

История
науки

А. В. Андреев

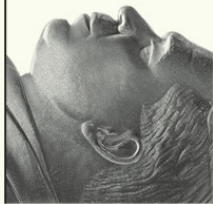
Грезы президента

Из личных дневников
академика С. И. Вавилова

Новое
литературное
обозрение

9

Андрей Васильевич Андреев
Грезы президента. Из
личных дневников
академика С. И. Вавилова
Серия «История науки»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67838364

Грезы президента. Из личных дневников академика С. И. Вавилова:

Новое литературное обозрение; Москва; 2022

ISBN 978-5-4448-2057-5

Аннотация

Жизнь физика, историка науки и крупного научного администратора Сергея Ивановича Вавилова (1891–1951) необычна. Возможно, при взгляде из XXI века уже не слишком значительными покажутся и его научные достижения, и его героическая, подвижническая деятельность в качестве президента Академии наук (которая к тому же пришлась на годы позорного разгрома генетики и других подобных идеологических кампаний). Однако недавно впервые опубликованный личный дневник, который академик Вавилов тайно вел на протяжении долгих лет, открывает новое удивительное измерение его интеллектуальной жизни. В нем историческая реальность

соседствует с миром снов, мечтаний и размышлений о глубоких вопросах сознания, веры, смерти. Историк науки А. В. Андреев в своей книге описывает эту неожиданную сторону личности С. И. Вавилова и предпринимает попытку исследования его самобытной философии.

Содержание

Предисловие	6
1909–1916	11
Краткая биография[1]. 1891–1916	11
Планы, цели и мечты (1909–1916)	16
Фрагменты дневников 1909–1916 гг	33
1909	35
1910	46
1911	60
1912	65
1913	71
1914	79
1915	109
Конец ознакомительного фрагмента.	115

**Андрей Васильевич
Андреев
Грезы президента. Из
личных дневников
академика С. И. Вавилова**

© А. В. Андреев, 2022

© Д. Черногаев, дизайн обложки, 2022

© ООО «Новое литературное обозрение», 2022

* * *

*Я из Достоевского или Хофманн'а, а об этом
никто не подозревает.
С. И. Вавилов*

Предисловие

Несколько улиц Вавилова в разных городах, несколько институтов его имени – вот, пожалуй, максимум того, что может знать о Сергее Ивановиче Вавилове нынешний среднеобразованный обыватель. Люди постарше связывают фамилию Вавилова в первую очередь с трагической историей его старшего брата Николая (1887–1943), выдающегося биолога, павшего жертвой сталинских репрессий, – у Сергея Вавилова в этой истории роль второго плана. Специалисты знают о значительном вкладе С. И. Вавилова как научного администратора в становление науки в СССР. Он был первым физиком – президентом Академии наук, руководил несколькими ведущими физическими институтами, наладил производство отечественных люминесцентных ламп. Можно узнать, что он был главным редактором Большой советской энциклопедии, первым председателем Всесоюзного общества «Знание», автором научно-популярных книг и историком физики. Хорошим физиком-оптиком, наконец.

Но научный администратор (чиновник, «сталинский бюрократ») – это все-таки не слишком интересно, таких было много. Научные достижения Вавилова-физика тоже не на слуху. П. Л. Капица (1894–1984) в письме к Э. Резерфорду (1871–1937) писал иронично о Вавилове-ученом в начале 1936 г.: *«...работы его относятся к флуоресценции*

жидкостей. Знаете, такого сорта есть работы, когда вы пропускаете пучок света через сосуд, наполненный жидкостью, и наблюдаете свет по перпендикулярному направлению. Стоит один раз сделать аппаратуру, и вы можете играть всю жизнь, меняя жидкости, число которых огромно, можете также менять спектры первичного пучка. Комбинаций, таким образом, будет столько, что научный сотрудник всю свою жизнь будет при деле, испытывая при этом чувство удовлетворения от сознания того, что он занят научной работой. Ничего иного он никогда не сделал» ([Капица, 1989], с. 64–65).

В 1958 г. за открытое в ходе таких «игр» излучение Вавилова – Черенкова была тем не менее присуждена Нобелевская премия по физике (сам Вавилов до этого дня не дожил, а премия посмертно не вручается). Излучение Вавилова – Черенкова нашло широчайшее применение в физике. Но чаще всего оно называется – без упоминания Вавилова – просто «черенковским» по имени аспиранта, заметившего свечение.

Что же касается скучного образа Вавилова-администратора, то тут все еще более запутанно, чем с его вкладом в физику. С одной стороны, его пятилетнее руководство академией пришлось на годы, когда отечественная наука начинала свой самый бурный количественный рывок за всю историю: именно при Вавилове-президенте статус ученого в глазах обывателя взлетел до невиданных высот – «академик» стало зву-

чать чуть ли не как «генерал». При Вавилове резко повысился достаток научных работников, было начато масштабное строительство десятков новых институтских зданий (яркий пример – университетский комплекс в Москве на Ленинских горах). С другой стороны, по сравнению с учеными-администраторами Курчатовым и Королевым фигура Вавилова в общественном сознании отнюдь не кажется такой уж крупной. Ему была отведена скорее роль свадебного генерала от науки на всевозможных торжественных мероприятиях вроде юбилея Пушкина или Сталина. Создание ядерного оружия в годы, когда Вавилов стоял во главе советской науки, было лишь косвенно связано с деятельностью Вавилова на посту президента АН СССР: военно-промышленный комплекс жил тогда своей практически автономной жизнью. В то же время физики, начинавшие свой путь при Вавилове (многие из которых стали выдающимися учеными), единодушны в оценке Вавилова как идеального научного администратора. Академик и нобелевский лауреат И. М. Франк (1908–1990) писал о своем учителе: *«Подвиг, совершенный им за пять с небольшим лет его пребывания на посту президента, велик, сделанное им так прекрасно и обширно, что будущие поколения будут вспоминать о нем с глубочайшим уважением и благодарностью»* ([Франк, 1991], с. 49). Вавилов поддерживал и инициировал передовые направления исследований, неочевидные по своей скорой «народно-хозяйственной» отдаче, обеспечил подбор талантливых кадров и продвижение

молодежи, предоставлял ученым практически полную свободу научной работы. Ко всему этому, судя по многочисленным опубликованным за более чем полвека, прошедшие с его смерти, воспоминаниям, полным искренней теплоты, он еще и человеком был хорошим... при этом подписывавшим статьи «*Великий корифей науки (И. В. Сталин)*» и «*Научный гений Сталина*» и произносившим соответствующие речи на торжественных мероприятиях. Вавилов возглавлял Академию наук в годы разгрома генетики и аналогичных погромов в других естественных и гуманитарных науках. Именно на вторую половину сороковых пришлось позорные идеологические кампании против низкопоклонства перед Западом, борьба с безродными космополитами, отстаивание отечественного приоритета в изобретении паровоза и открытии Ломоносовым великого закона Ломоносова.

В итоге образ орденоносца, четырежды лауреата Сталинской премии академика С. И. Вавилова получается крайне противоречивым. Оценки его деятельности располагаются в диапазоне от восторженных (или просто одобрительных – таких подавляющее большинство) до резко негативных (например, у Солженицына в «Архипелаге ГУЛАГ»). В книге «Герои, злодеи, конформисты отечественной науки» Вавилов и вовсе назван «*выдающимся, героическим конформистом*» ([Шноль, 2010], с. 13).

После недавней публикации дневников Вавилова ситуация запутывается окончательно. Становятся известными де-

тали его самобытной личной философии: острый интерес к проблемам сознания, веры, теме смерти, другим вопросам, о которых вообще не подобало бы задумываться председателю Всесоюзного общества «Знание». *«Нужно величайшее открытие какой-то мировой души, бога, чтобы поддерживать жизнь в таких, как я».* *«Стоял на трибуне и думал о сознании. Сон без сознания. Смерть без сознания. У шестимесячного Сережи почти еще не проснувшееся сознание. Люди слишком мало об этом думают».* О желании умереть академик Вавилов пишет в дневниках более 150 раз. И неоднократно всерьез опасается, что сходит с ума. Хотя бы потому, что думает и пишет обо всем этом.

Именно такие необычные фрагменты из дневников Вавилова – странные философские прозрения, переживания, фантазии, мечты, сновидения – и отобраны в эту книгу.

Текст состоит из двух частей. Вторая часть целиком посвящена философским взглядам Вавилова, первая более биографична. Три раздела первой части хронологически определяются сохранившимися дневниками (1909–1916, 1917–1938, 1939–1951) и предваряются тремя краткими очерками важнейших событий жизни Вавилова. В отдельные главы первой части выделены также некоторые дополнительные темы («Мечты Вавилова», «Поэзия Вавилова», его общественно-политические взгляды и т. п.).

1909–1916

Краткая биография¹. 1891–1916

Сергей Иванович Вавилов родился и вырос в обеспеченной семье в Москве, в районе Пресня (дома, принадлежавшие в разное время Вавиловым, не сохранились). Отец Иван Ильич Вавилов (1863–1928), из крестьян, был купцом первой гильдии, соучредителем торговой фирмы «Удалов, Ипатьев, Вавилов», связанной с Трехгорной мануфактурой Прохоровых – старейшим московским текстильным предприя-

---

¹ Официальная биография Вавилова была широко растиражирована уже начиная с тридцатых годов в связи с избранием на ответственные посты (депутатом Верховного Совета, президентом АН СССР и т. п.). Еще больше было напечатано некрологов в 1951 г. Статьи о Вавилове есть во всех энциклопедиях, биографический очерк предвещал издание его трудов. Массовым тиражом была издана биография Вавилова в серии «Жизнь замечательных людей» в 1961 [Келер, 1961] и в 1975 г. [Келер, 1975]. В 1987 г. вышла еще одна биография [Левшин, 1987]. Трижды издавался сборник воспоминаний о Вавилове под редакцией И. М. Франка (в 1979, 1981 и 1991 гг.). В этом сборнике впервые были опубликованы и фрагментарные автобиографические воспоминания самого Вавилова, которые он начал записывать в 1949–1951 гг. В 2001 г. к 120-летию со дня рождения Вавилова подборка материалов о нем вышла в сборнике «Исследования по истории физики и механики». Позднее были изданы еще две книги о Вавилове: биография [Левшин, 2003] и сборник воспоминаний [Новые штрихи к портрету..., 2004]. Ниже в биографических очерках без особого указания использованы все эти источники.

тием. С 1918 г. был в эмиграции, вернулся в 1928 г., но через две недели умер (сердце). Мать Александра Михайловна (1868–1938) – дочь резчика и гравера при той же Трехгорной мануфактуре. Старшая сестра С. И. Вавилова Александра (1886–1940) стала врачом-бактериологом. Старший брат Николай (1887–1943) окончил Московский сельскохозяйственный институт, стал всемирно признанным ботаником-генетиком. Младшая сестра Лидия (1893–1914), микробиолог, трагически погибла в 1914 г. Младший брат Илья (1898–1905) умер в семилетнем возрасте. Были также умершие очень рано и не упомянутые в дневниках сестра и брат Екатерина и Василий.

Учился С. И. Вавилов в Коммерческом училище, одном из лучших московских средних учебных заведений, в котором большое внимание уделялось естественным наукам и иностранным языкам. Отличником он не был, но с ранних лет явно тянулся к культуре, много читал (и на всю жизнь полюбил букинистические лавки), в старших классах был лидером в интеллектуальном «кружке» одноклассников, писал стихи и философские трактаты. Целью училища было готовить будущих коммерсантов, но Сергей (как и учившийся там же старший брат Николай) по этому пути изначально идти не собирался. Важную роль в жизни Вавилова сыграл преподаватель рисования И. Е. Евсеев (1865 – после 1947): по всей видимости, под его влиянием Вавилов чрезвычайно серьезно увлекся искусством, в дневниках поездок в Италию

(молодой Вавилов побывал там трижды и буквально влюбился в эту страну) многие десятки страниц посвящены живописи и архитектуре. Но не меньшее место в жизни подростка-Вавилова изначально занимала наука: вначале в виде мальчишеских опытов («кухонная» химия, эксперименты с электричеством и т. п.), затем как серьезная цель жизни – Вавилов решил поступать на физико-математический факультет университета. Для этого пришлось выучить и экстерном сдать латынь, которую не преподавали в Коммерческом училище. С сентября 1909 г. Вавилов – студент физико-математического факультета Московского университета.

Уже на втором курсе, в 1911 г., Вавилову удастся попасть в знаменитую лабораторию П. Н. Лебедева (1866–1912). К сожалению, последовавший буквально через пару месяцев вынужденный уход Лебедева из университета (вместе с группой других преподавателей – в знак протеста против антилиберальной деятельности ректора), а затем и смерть в марте 1912 г. не дали Вавилову в полной мере стать учеником этого выдающегося физика. Научное руководство Вавиловым перешло к младшему коллеге и ученику Лебедева П. П. Лазареву (1878–1942), в то время изучавшему процессы фотохимического выцветания красителей. Это определило будущий научный путь Вавилова – как физика-оптика, специалиста по люминесценции: выцветанию красителей была посвящена его первая научная публикация (1914). В мае 1914 г. Вавилов окончил университет с дипломом первой степени и

получил предложение остаться на кафедре физики «для подготовки к профессорскому званию» (аналог современной аспирантуры). Вавилов не принял это предложение и был призван в армию.

Призванные после получения высшего образования становились «вольноопределяющимися» – несли военную службу на льготных условиях (сокращенный срок службы, право жить на собственные средства вне казарм, особенно в форме одежды). В июне 1914 г. Вавилов прибыл в Любуцкий лагерь 25-го саперного батальона 6-й саперной бригады Московского военного округа, а уже 1 августа началась война.

На фронте Вавилов находился все четыре года войны, лишь изредка приезжая в отпуск домой, сначала в саперных частях, занимавшихся – порой в опасной близости от мест боевых действий – строительством дорог и мостов («военно-дорожный отряд», «в. д. о.»), затем, с июня 1916 г., после прохождения курсов в Минске, в радиочастях (до августа 1916 г. – в радиоподразделении гвардейской кавалерийской дивизии). Он был последовательно рядовым, ефрейтором, младшим и старшим унтер-офицером, прапорщиком. Вместе с войсками побывал в Галиции, Белоруссии, Польше, Литве. Незадолго до конца войны на два дня попал в плен к немцам, бежал и в феврале 1918 г. окончательно вернулся домой (эти эпизоды биографии Вавилова в сохранившихся дневниках, к сожалению, не отражены: последняя запись да-

тируется 28 декабря 1916 г.).

Такова вкратце внешняя сторона жизни Вавилова до 1917 г. «Внутренняя» ее сторона – то, о чем 18–25-летний Сергей Вавилов, пока еще не президент Академии наук и даже, по сути, еще не физик, размышлял, тревожился, мечтал, – подробно описана на страницах нескольких потрепанных блокнотов и тетрадей.

Планы, цели и мечты (1909–1916)

Выдуманный мир, которого пока что нет, но который вполне может появиться в будущем, – мир жизненных целей. Некоторые дневниковые записи (часто 1 января или в день рождения) Вавилов посвящал планам и мечтам.

«Со вчерашнего дня мне пошел 20-й год. <...>² В прошлом году я пожелал себе жития на сто лет и университета. От первого, конечно, и теперь не откажусь, второе достигнуто, и теперь я желаю себе только одного, прямолинейности трамвая и скорости автомобиля на пути к науке» (13 марта 1910).

«На очереди три большие задачи 1) физика, 2) языки и 3) освобождение от всякого рода белиберды. Надо только всем существом почувствовать необходимость» (16 мая 1911).

«...я желаю счастья, воли и покоя. Сбросить все третье – вот задача на этот год. Сбросить все лишнее – усложняющее, упростить жизнь, сделать ее целой и красивой – вот и все» (1 января 1913).

«Чего я сейчас хочу? 1) Покончить скорее с моей комической работой в лаборатории. Только теперь разглядел я всю ее чепуху. 2) Найти какой-нибудь хороший исход в военной службе (а я бы, право, хотел послужить). 3) Счастья. Das

---

² В приводимых цитатах везде далее пропуски обозначаются угловыми скобками, вставки – квадратными.

ist alles³» (7 декабря 1913).

«Физика, милая физика, как далека ты от меня сейчас. Но, что сделать? Делай что возможно, но не упускай ее – вот первая и главная задача. // Война... а я не воин, но и тут делай хотя бы что-нибудь нужное. А остальное – ну, это просто поставить себя в условия сносной жизни, добиться хотя бы белых погон [прапорщика]» (1 января 1915).

Планы, цели, мечты, желания фиксировались в дневнике настолько часто, что сами по себе могут использоваться для периодизации жизни Вавилова.

Вначале он мечтает **покончить со школой и поступить в университет**. «Мелькнула сегодня в голове мысль о школе <...> какая же радость, что через 5 месяцев – *jamaïs, jamais*⁴. Вон из этой выгребной ямы купеческих нечистот» (2 января 1909).

Поступив в университет, Вавилов мечтает **стать настоящим ученым**: «Когда наука станет для меня обыденщиной, только тогда я буду доволен» (27 января 1910); «Я погружаюсь в нирвану: в старину, в искусство, а нужна наука, она единая. Я люблю ее, все остальное сор и мишура перед нею, я молюсь ей, но не вхожу в нее. „Доколь же, доколь“. О, явись *sancta „vis motricis impressa“*⁵, помоги *inertiae*⁶» (16

---

³ Это все (нем.).

⁴ Никогда, никогда (фр.).

⁵ Святая «запечатленная движущая сила» (лат.).

⁶ Инерция (лат.).

февраля 1911); «*Наука, как цель жизни <...> Наука серьезна, наконец нашел я это слово, и право же всерьез собираюсь я „для науки „жизни“ не пощадить“*» (23 июня 1912); «*Здесь, около могилы Галилея, почти клянусь делать только дело и серьезное, т. е. науку. Пусть ничего не выйдет, но будет удовлетворение*» (17 июля 1913); «*На свете лучшее – физика. Физика – это наука, и наука – это физика. Все остальные – с математики, астрономии до зоологии и ботаники – только ее прислужники. В физике нет ни капли служебности. Сама в себе. Быть физиком и даже таким плохим, как я, – уже счастье. Быть физиком – это значит хоть час в день чувствовать себя хорошо. С какою гордостью говорю я, что я физик*» (12 октября 1913).

Стать наконец настоящим ученым Вавилову мешают две вещи: лень и неправильные, по его мнению, прежние увлечения.

Для достижения цели нужно напряженно работать! Вавилов постоянно пишет, как он хочет наконец начать **делать дело**, трудиться «как каменщик» (7 сентября 1910). Это одно из главных его желаний в первые пару лет обучения в университете. «*...сидеть бы, да дело делать*» (7 июля 1909). «*Все мои дневники заполнены вздыханиями о работе, но ее не было, потому что не было необходимости, потому что ее загораживала ложно-работа – школа. Теперь свободен, мне только одно и можно и должно работать*» (10 сентября 1909). «*...мне необходимо делать, трудиться, зани-*

маться как лошади» (18 октября 1909). «...дело не идет; математика плохо усваивается, и вместо вычислений начинаешь чертить карикатуры, бродишь без толку, а самому хочется работать. Это состояние самый опасный враг мой... Почему я всегда хочу работать, творю из работы бога? Сам не знаю почему. В работе я чувствую себя здоровым, свежим, без нее я делаюсь меланхоликом» (9 января 1910). «Мне надо, необходимо, неизбежно делать. Но я... могу помечтать, могу чуть-чуть поработать, стряпать планы, читать газеты, но мало, слишком мало дела...» (1 февраля 1910). «Нужно или еще ускорить шаг раза в три, чтобы хоть чего-нибудь достигнуть, или опять *hei mihi*⁷ обратиться вспять. Завожу старую вольнку: дай, мол, попробую первого» (20 февраля 1910). «Каждый день я собираюсь начинать, откладываю на другой день и не делаю ничего. Что делать? Не что, а просто „делать“, в этом и ответ» (26 апреля 1911).

На пути к поставленной цели стать настоящим физиком Вавилова постоянно отвлекали его **неправильные увлечения** – литература, поэзия, искусство. Подросток Вавилов, судя по всему, считал себя «гуманитарием» и даже, более того, философом. В интеллектуальном кружке одноклассников «диапазон вопросов был громадный: философия, литература, искусство и политика (правда, в очень умеренном виде). Но вывозить приходилось мне» ([Франк, 1991], с. 117–

---

⁷ Увы (лат.).

118). Также Вавилов с подлинной страстностью относился к живописи и архитектуре, занимался, как он сам выражается, «*вопросами искусства*»: «...*вот уже три года, как я более или менее сильно занимаюсь этими вопросами, и главным, конечно, о сущности искусства*» (12 января 1909). Многие и многие страницы дневников посвящены описанию увиденных в Италии картин, мыслям о любимых художниках (Леонардо да Винчи, Джорджоне, Пьеро делла Франческа и др.). Также Вавилов очень много читал. В дневнике часто цитируются Пушкин, Тютчев, Фет, Баратынский. Любимые писатели Вавилова – Гоголь, Гофман, Достоевский, Франс. Неоднократно упоминаются Д. С. Мережковский (1866–1941), В. С. Соловьев (1853–1900), В. В. Розанов (1856–1919). Наконец, Вавилов не только читает, но и сам пишет – стихи (подборка стихов Вавилова приведена в конце первого раздела). Он часто ходит в театр, на концерты. Именно с этой всей «белибердой» Вавилов и вступает в борьбу на пути в «настоящую науку». «*Как бы хорошо сейчас освободиться от лишнего груза, приставшего за 20 лет бытия, и оставить только физику*» (5 июня 1911). «*Надо бросить под печку поэзию, а браться за науку*» (4 сентября 1911). «...*пора бы мне, может, и плюнуть совсем на картины... и даже на Италию и заняться физикой. Там единственно несомненное, важное, серьезное и святое, и интересное*» (30 июня 1913). «...*плюнуть на искусство и уйти совсем в науку*» (14 июля 1913). «*К черту искусство и прочее*» (25 июля 1913). Единственное

отвлечение от науки, которым Вавилов не готов пожертвовать, — **книги**. На фронте он порой буквально изводится без нового чтения, мучительно ждет посылок из дому с книгами (и с шоколадом). Часто пишет примерно так: *«Думаю о прошлом, мечтаю о будущем, о Москве, матери, о книгах. А настоящее sei sie verflucht⁸»* (29 ноября 1914). *«Думаю только о себе, Лиде (сестре. — А. А.), матери, книгах и о конце»* (30 ноября 1914). Еще примерно в десятке записей военной поры Вавилов мечтает буквально через запятую о родном доме и о книгах. И примерно столько же — об уютной лаборатории с библиотекой. *«Вот попаду снова к себе, „к книгам милым“ моим — тогда все пойму и оценю, а сейчас я все время живу как оглушенный»* (30 июня 1915). *«...больше, чем когда-либо, хочется бежать домой к книгам, в лабораторию и забыться»* (18 июля 1915). *«Скорее бы хотя бы самообман книг, старых запыленных книг»* (21 октября 1915). *«Поскорее бы к книжкам и опомниться»* (16 декабря 1915).

Многие зафиксированные в дневнике желания, планы и мечты Вавилова не особо интересны: путешествовать, изучать иностранные языки, сдать экзамены и т. п. В армии Вавилову хочется домой (около двух десятков записей), поехать в отпуск, он мечтает перевестись в другую часть (с десятков записей) или получить звание прапорщика. Также он, разумеется, мечтает о победе, скором конце войны.

Его прежние, «довоенные» мечты приобретают на фрон-

---

⁸ Будь оно проклято (нем.).

те новый облик. Собираясь в армию, еще не зная о будущей войне, Вавилов довольно наивно планирует (16 июня 1914) **продолжать заниматься наукой**: *«Буду заниматься физикой <...> а на сон грядущий читать романы. Завел себе толстые тетради 1) для выписок, 2) для кратких рефератов, 3) для физических соображений. // Это 3-е главное дело, ибо безусловно необходимо найти собственную (т. е. независимо от П. П. [Лазарева]) тему работы. Меня все время влечет проблема гравитации... Это бесспорно наиболее ценное в физике»* (16 июня 1914). Далее на протяжении всех лет войны примерно в десятке записей он действительно упоминает **Gravitationsproblem** (как предпочитает ее называть), 27 октября 1915 г. обещает решению этой проблемы посвятить жизнь. *«От тоски (иногда раздирающей) спасаюсь у физики, начинаю опять обдумывать разные проекты, как бы экспериментально зацепить „Grav[itation] problem“»* (30 октября 1915). Фронтовая реальность вносит коррективы, Вавилову приходится мечтать уже не о занятии столь утонченными темами, а вообще хоть о какой-то физике. *«Следовало бы физику не забывать и хотя бы мечтать физически. <...> Господи, дай скорее вернуться к физике! (до того скверно, что плачу, когда пишу эти строки)»* (29 сентября 1914). Десятки раз Вавилов буквально грезит о науке. *«...в сладком сумраке рентгеновского кабинета как хорошо бы делать рентгенограммы и копаться в загадке вещества...»* (12 октября 1914). *«Оживляешься ведь, в сущности, единственно на-*

деждой на конец. Как одеревенеет за эти ½ года моя физика, бедная физика, попробую хоть помечтать о фотохимии и *Gravity Problem* etc.» (4 ноября 1914). Он сам называет это ощущение «тоской по физике» (6 декабря 1914). «...перед глазами опять Москва, книги и физика» (25 марта 1915). Летом 1915 г. Вавилов пишет в армии и отправляет в Москву короткую заметку (к сожалению, концептуально неверную) о методической ошибке в знаменитом опыте Майкельсона, давшем толчок возникновению теории относительности, ее публикуют в «Вестнике опытной физики и элементарной математики». В мае 1916 г. Вавилов добивается перевода на радиотелеграфные курсы и затем в соответствующие подразделения армии и гвардии, начинает увлеченно работать со сложным радиооборудованием (в 1919 г. он даже публикует научную статью по итогам этого эпизода своей жизни), и острая тоска по физике немного стихает.

Однако описанная «тоска по науке» проявляется также еще и в более сложном и интересном комплексе образов. Можно обозначить его вслед за самим Вавиловым словами **dumpfes Mauerloch**. «Verfluchtes dumpfes Mauerloch» – это описание чернокнижником Фаустом своей тесной захлавленной лаборатории в трагедии И. В. Гете «Фауст» (сцена 1), дословно – «проклятая скучная дыра в стене». Вавилов использует это немецкое выражение для обозначения лаборатории и, шире, своего идеала занятий наукой. «В эти тяжкие минуты погрузиться бы в океан книг, замкнуться в свой

dumpfes Mauerloch, корнетъ над Gravitation's Problem» (10 июня 1915). Перед войной Вавилов трижды пишет о своем разочаровании в лабораторной работе, наступившем после смерти П. Н. Лебедева, например так (26 апреля 1913): *«Еще одно страшное желание приходится выговаривать, надо постараться покончить с лабораторией»*. Но образ не конкретной московской людной лаборатории, а лаборатории абстрактной, обобщенной, становится одним из навязчивых образов в его армейских мечтаниях о занятиях наукой. *«Запереться бы от всяких газет и войны в лаборатории с библиотекой»* (1 октября 1914). *«Mauerloch с книгами и лабораторией лучше всякого мира»* (8 октября 1914). *«Суждено или нет мне то, о чем мечтаю, – тишь лаборатории и библиотеки»* (18 марта 1915). К этому образу дополнительным штрихом неожиданно становится **лес** и **монастырская келья**. *«Мне только два пути спасения „in Museum“⁹ и „в лесу“»* (20 апреля 1916). Еще до армии Вавилов дважды пишет: *«...я всерьез иногда думаю о монастыре. <...> Книги, келья и лес – большие ничего не надо»* (15 июля 1913), *«...высшим счастьем теперь кажется уйти в лес. <...> Но в лес я хочу с книгами. <...> Ах, книги, лаборатория и лес – вот и paradiso ritrovato¹⁰»* (28 января 1914). Этот образ сохраняется и в последующие годы. *«Смотрю на леса на горизонте, синие и дикие. Хоро-*

---

⁹ «Museum» – место, посвященное Музам, т. е. место ученых занятий, библиотека (лат.).

¹⁰ Обретенный рай (ит.).

шо бы убежать в эту дичь и чащи и поселиться где-нибудь под землей, под мхом и корнями, зажать уши, не слушать выстрелов, не говорить о безнадежной войне, читать, работать в лаборатории и в конце концов так умереть» (27 августа 1915).

Стремление к уединению, поиск «блаженного одиночества» (по-немецки «*seliger Einsamkeit*», как в 1915–1916 гг. предпочитает писать Вавилов) – одно из самых частых – наряду с мечтами о науке – состояний Вавилова, фиксируемых им в дневниках 1909–1916 гг. Во многом это объясняется спецификой армейской службы: Вавилов вынужден постоянно находиться среди чужих ему людей – *«За день изредка выдаются минуты, когда остаюсь один, в тишине, эти минуты считаю блаженными. Но они так коротки и их так мало. Одинок изредка на улице...»* (6 марта 1915), *«...ни минуты блаженного покоя»* (23 ноября 1915) – таких записей очень много. Однако дело не только в специфике армейской обстановки. Во-первых, схожие записи Вавилов делал и до армии, в школьные и в студенческие годы (пусть и реже, и обычно в оправдание своего безделья: мол, мешают работать, *«исчезает „мудрое одиночество“»* – 16 февраля 1911 г.), тяга к уединению была присуща ему уже тогда: *«...приятно бы полежать неделю в больнице...»* (20 февраля 1914). А во-вторых – тут можно вспомнить воображаемую желанную келью-лабораторию, – такое стремление к уединению было вызвано отнюдь не бытовыми причинами. Оно от-

ражает важную общую особенность мировоззрения Вавилова. 22 апреля 1910 г. он делает замечательную запись: *«Читал сегодня шлиссельбургские письма Морозова и, ей Богу, позавидовал его участи. Оно, конечно, на 25 лет, это уже слишком, нет, а так годика 3–4 быть заключенным, для меня было бы прямо счастьем. <...> Да, ей Богу, мне страстно хотелось бы быть заключенным или, вернее, отъединенным»*. 8 ноября 1914 г. похожая запись, более лаконичная: *«Пойду в монахи и буду мечтать»*. Об этой особенности мировоззрения – индивидуализме, философской сфокусированности Вавилова на собственном «я» – подробно речь еще пойдет позже. Пока же, чуть забегаая вперед, можно привести запись, показывающую, что сам Вавилов понимает эту свою особенность – во всей ее сложности и противоречивости. *«Самое сладкое и самое ужасное в жизни – Einsamkeit. В эти дни, часы и минуты человек себе хозяин и творец своей жизни. Все чужое, подневольное прощительно, но если Einsamkeit стала скукой – это преступление. Перед кем? Бог знает. Но на душе тягость страшная. Если не вынесешь Einsamkeit, тогда беги, хватайся за первую зацепку, чтобы тебя закрутило, завертело, чтобы ты себя забыл. Но если Einsamkeit – творчество, тогда это достигнутое счастье, и единственное счастье на земле»* (13 июня 1916).

Желания Вавилова относительно его **места в социуме** также противоречивы. Презрение к обществу или показное безразличие чередуется с обидами на него. *«Хочу я быть*

профессором, но и то вовсе ни для развития наук, ни для собственной славы, ни для просвещения юных умов. Так, одно возможное слово – так. Как? не знаю сам» (23 сентября 1909). «...как я желал бы сделаться определенным лицом на мирской ярмарке, все равно кем, только бы не сумасшедшим» (12 декабря 1911). «Говорю прямо, я хочу быть *eigenartig*¹¹, да не только хочу, а просто другого исхода не вижу; по временам затертый в среде засаленных пятаков чувствую себя ужасно» (21 октября 1911). «Почувствовать себя человеком среди людей и в пафосе кричать: // *Vivat academia* // *Vivant professore*¹² // так непонятно мне иногда. Но сегодня этот пафос у меня есть, и я с радостью сливаюсь с общим хором и кричу: „*Gaudeamus*“» (12 января 1912). «Весь ужас в одиночестве. Или, опять не так, если бы одиночества этого не было бы, не было бы и человека, а была бы просто пространственно-временная частица общей машины. Ведь к чему стремишься? 1) Быть со всеми, 2) быть первым. Все вещи неприятные» (26 декабря 1912). «...я ничего не хочу, никем быть не желаю, я желаю счастья, воли и покоя. Сбросить все третье – вот задача на этот год. Сбросить все лишнее – усложняющее, упростить жизнь, сделать ее целой и красивой – вот и все. <...> Простота, ясность, равнодушие, воля и покой. И пусть год будет самоценным – не для других, а для себя. Пусть каждый день бу-

---

¹¹ Своеобразный, особенный (нем.).

¹² Да здравствует университет, / Да здравствуют профессора (лат.).

дет как последний. <...> Улучшить самого себя – остальное приложится» (1 января 1913).

На примере смены желаний и мечтаний Вавилова относительно окружающих людей можно впервые заметить то, на что еще не раз придется обращать внимание: Вавилов постоянно противоречит сам себе. Описанный выше гимн «блаженному одиночеству» никак не вяжется с его мечтой наконец **найти друга**: «*Не появляется „истинного друга“, моей заветной мечты*» (16 февраля 1911), «*Мое самое заветное желание найти „alter ego“*» (2 августа 1913). Призывая себя «плюнуть на искусство», в другой раз он пишет: «*Ай-ай, как хорошо будет после войны и службы заняться Пьеро, Греко и прочей ерундой*» (29 сентября 1914).

Противоречивы и **желания Вавилова в связи с войной**. Вначале он и вовсе пытается «*найти какой-нибудь хороший исход в военной службе*» (7 декабря 1913). На протяжении всех дневников периода Первой мировой он неоднократно фантазирует о кардинальных стратегических переменах в войне, наступлениях, победах (признается в записи от 28 октября 1915 г., что, собираясь в армию летом 1914 г., купил путеводитель по Германии и до сих пор его с собой возит – надеется, что пригодится). Иногда скатывается до урапатриотических пассажей. В середине – конце 1915 г. Вавилов даже задумывается, не лучше ли на линии огня, чем в относительно безопасных инженерных частях: «*Однообразие начинает тяготить, попасть бы хоть под огонь и немного*

разогреться» (29 июня 1915), «...чувствую себя неловко, совестно и хочется в пехоту» (25 ноября 1915). Он хочет или «службы в пехоте, или *selige Einsamkeit*¹³» (28 ноября 1915). Но чаще всего Вавилов все-таки хочет просто прекращения войны. «*Молю Бога об окончании войны*» (23 ноября 1914). Он несколько раз загадывает даты, когда война кончится. И просто мечтает оказаться вне этого ужаса: «*Читать мешают. Плакать нельзя. Бежать, бежать. Когда же я спасусь, и спасусь ли*» (25 ноября 1914).

В дневник Вавилов записывает не только свои стихи, но и **творческие планы**. 16 февраля 1911 г. он признается, что мечтает написать своего собственного «Фауста». По всей видимости, это первое (если не считать неоднозначной записи от 11 января того же года) упоминание о так и не написанном произведении, которое он называл «Фауст и Леонардо» (или «Леонардо и Фауст»): «*От скуки хочу спасаться творчеством, а не написать ли моего Фауста. Вот я куда гну, хотя, конечно, из этого ничего не выйдет*» (28 мая 1915), «*Мелькнуло желание (старое) написать „Леонардо и Фауст“*» (16 ноября 1916) – начиная с 1939 г. этот воображаемый трактат будет упоминаться неоднократно. Изредка упоминает Вавилов и другие свои литературные планы, в крайне широком диапазоне: «...в Италии должна создаваться теперешняя моя философия, научный эстетизм» (15 июня 1912) – «...следовало бы написать оду картошке и прокля-

---

¹³ Блаженное одиночество (нем.).

тым виам. Может быть, и займусь» (5 ноября 1914).

Особый интерес представляют записанные в дневнике желания и мечты, относящиеся не к обстоятельствам происходящего вокруг Вавилова (учеба – наука, военный быт и т. п.), а к его **внутренним переживаниям и исканиям**.

Разбираясь в самом себе, он, например, писал, что нужно *«голову в порядок привести, а то от сумбурных мыслей чуть с ума не схожу»* (7 июля 1909). *«Надо научиться управлять настроением <...> Мне теперь нужно глубокое спокойствие, равнодушие и Selbstregulierung¹⁴»* (16 августа 1913). Неоднократно Вавилов признавался, что жаждет каких-то неконкретизируемых перемен: *«Я ждущу все перелома <...> во мне энергии порядочно, но вся она в мелочах, в сотне разных видов и толку, эффекта от нее весьма мало; так вот превратить все эти энергии в одну определенную, научную, сделаться машиной экономной, в этом и весь перелом»* (19 ноября 1911). 28 октября 1916 г. Вавилов отмечает: *«Появилась у меня очень скверная философия. Все равно, всё пустяки, и все равно придется умереть. <...> С ней надо бороться, побороть ее и создать хотя бы что-нибудь святое в жизни»*.

Сам процесс мечтания также зачастую вполне осознан Вавиловым: *«...хотелось уединиться, подумать, помечтать, почитать»* (7 июля 1909), *«...могу опять медлительно думать и мечтать»* (11 ноября 1915). Порой он прямо **меч-**

---

¹⁴ Саморегулирование (нем.).

тает мечтать: *«Посидеть бы и помечтать»* (11 октября 1914), *«...устал, остался 1 час бодрствования, были бы книги или газеты, улегся бы, и начал читать и мечтать»* (1 июня 1915), *«Ищу опять покоя и медлительной мечтательности»* (2 марта 1916).

Также часто Вавилов мечтает **заснуть**. *«Хорошо бы заснуть недели на 2, проснуться и посмотреть „что новёго“¹⁵. Возможно все. Получать новости такими „двухнедельными квантами“ было бы хорошо и совсем нескучно»* (1 октября 1914). *«...заснуть месяца на 2»* (6 июня 1915). *«Заснуть бы месяца на три»* (22 августа 1915). *«...хочется заснуть и ни о чем не думать»* (14 августа 1915). *«Ах, скорее бы домой, успокоиться, уснуть»* (17 ноября 1914).

Вавилов очень любил **«философствовать»** (его собственное выражение). И само по себе это занятие то и дело становилось объектом его желаний. Вначале в основном с отрицательным знаком (он относил его к уже упоминавшейся «белиберде», с которой нужно бороться на пути в физики). *«Я все время (вот уж года 3) философствовал, все мое дьявольское „ни туда, ни сюда“ – именно отражение этого»* (16 февраля 1909). Тем не менее Вавилов продолжал много «философствовать» в дневнике и иногда прямо признаваясь в сохранившейся любви к этому занятию: *«Слава Богу, опять я остался один с собою самим. Пофилософствуем»* (8 июля 1913), *«Хорошо бы пространственно изолировать»*

---

¹⁵ Со nowego (польск.) – что нового.

ся, освободиться от „патрулей“ и всласть, на свободе, по-философствовать» (29 сентября 1914).

Фрагменты дневников 1909–1916 гг

Сохранившиеся ранние дневники начинаются с января 1909 г. Сам Вавилов упоминает, что вел дневники *«лет с 15»* (1 января 1946), и цитирует свои записи 1905 г. (в 1910 г. – то есть тогда дневники 1905–1908 гг. еще существовали; что затем с ними произошло, неизвестно). Армейские дневники по мере заполнения тетрадей отвозились (и отправлялись почтой) в Москву. Дневники 1917–1920 гг. (если такие были) утрачены. Тетради оставались во время блокады в Ленинграде и уцелели (хотя часть вещей из квартиры Вавиловых пропала). Кем-то – возможно, самим Вавиловым – в них вырваны отдельные страницы, вырезаны лезвием некоторые фразы, сделаны незначительные поздние исправления.

Есть несколько записей о цели, смысле ведения дневника. Вначале Вавилов занимается этим «просто так». *«Ну вот пишу я сейчас дневник <...> думаю, философствую, разрешаю проблемы, вековые – все, что „культурному“ „hom’u sapiens’u“ делать полагается...»* (17 июля 1909). *«...пишу я, но почему, зачем? Не в силу какого-нибудь внутреннего побуждения, а так просто, потому что многие „умные“ люди свои дневники пишут, для того чтобы оставить нашим-то (черт бы их побрал) потомкам память о себе»* (27 июля 1909). В армии для ведения дневника появляются дополнительные основания: *«Собственно, своей-то жизни и не оста-*

лось, вот разве этот дневник да письма» (12 октября 1914); «...писание дневника поднимало на небеса в глазах солдат» (26 декабря 1914). Вавилов увлеченно фиксирует происходящее вокруг, с интересом описывает свои военные приключения, иногда даже делает зарисовки. Но хотя еще до войны, 1 января 1914 г., отмечает: «В дневнике хочу писать много фактического» – все равно и в армии продолжает так же «философствовать», как и до этого. Сам себя одергивает – «...в дневник русско-немецкой войны, пожалуй, и не место писать комментарий к Фаусту» (19 октября 1914) – но вновь и вновь сбивается на мировоззренческие рассуждения и самоанализ и вынужден признать: «...дневник мой – сплошное созерцание...» (3 января 1916). 25 мая 1916 г. Вавилов пишет: «Благодарю Бога за то, что веду дневник. Каждый день, на сон грядущий можно опомниться, умерить восторги и укротить печали. <...> становится ясно и спокойно на душе».

Как и положено в настоящем дневнике, адресат записей – сам Вавилов. Иногда даже явно: «Addio, my dear¹⁶ Сергей Иванович» (4 июня 1909). «Опять я принялся за дневник. <...> Опять письма к самому себе» (14/1 апреля 1920). Неизбежную при этом путаницу (сам факт писания предполагает какого-то другого читателя – «Писать <...> ведь это-то уж, конечно, для других и только изредка для „другого“ себя, т. е. как воспоминание», 6 августа 1912) – Вавилов понимает, пы-

---

¹⁶ Прощайте, мой дорогой (ит., англ.).

тается разрешить противоречие введением воображаемого «другого я», но не очень успешно. *«Вы не думайте (т. е. кто такое вы, ну вы стены, я сам, другие, ведь нельзя же самому писать и слушать, ну вы та часть меня, которая слушает, что ли), да вы не думайте, что...»* (1 февраля 1910), *«Для кого я это все записываю, не знаю. Пожалуй, только для себя. „Потомкам“, конечно, будет скучно читать эти „страдания молодого Вертера“...»* (17 ноября 1916).

1909

9 января 1909

Сегодня с попом вел ожесточенный спор, целый час; глупый, бесцельный, как всегда. Ведь все равно доказать ему ничего нельзя, так как ведь представить только его положение: раз ему доказано, значит, рясу долой, само собой, хоть иезуитством, да выезжать. Я – конечно, другое дело, мне переменить мысль стоит не большого. Весь сыр-бор загорелся из-за классного сочинения, писанного пред Рождеством на тему о «Логике и чуде». Для меня всегда противной казалась «научная» религия с «гипотезами», «теориями», «проблемами», «доказательствами» и прочим в кавычках, ведь это ворона в павлиньих перьях, нечто жалкое, безобразное. А тут еще как на грех чудо стали доказывать (!!!), ну не абсурд ли это, не глупость.

12 января 1909

Вчера был на концерте, на «Аиде», читал Белинского, сегодня читал Маковского, Чуковского и Мережковского – целиком искусство. Само собой, и голова все время занята была вопросами искусства. В самом деле, вот уже три года, как я более или менее сильно занимаюсь этими вопросами, и главным, конечно, о сущности искусства <...> ...понятие формы слишком условно, ведь, в конце концов, и разум только комбинация представлений и чувств; т. е. содержание – комбинация формы. Надо над этим подумать.

24 января 1909

...у меня получается странное, безобразное противоречие, отсутствие и жизни, и дела, какое-то своего рода небытие, выражающееся в тоске, хандре, скуке.

28 января 1909

...делать ничего не хочется, апатия. Со мной такие штуки часто бывают; переходишь в какую-то нирвану, но ужасно противную.

8 февраля 1909

Наиболее сильное impression¹⁷ за все время это «Записки из подполья»; странно как-то совпали они с моими мыслями за это время, и глубоко, думаю, понял я их. Ни в одном произведении Достоевского не казался он мне таким великим

---

¹⁷ Впечатление (фр.).

знатоком homo sapiens'a, как здесь.

16 февраля 1909

Как-то тут лежал на постели и думал, философствовал, и вдруг в голове, как молния, мелькнула мысль такого рода: «Что же это ты, брат, беллетристику-то разводишь, доказываешь необходимость изучения науки, а сам к истинной-то науке и не подступал». В самом деле, сколько ни читал я книг научных – все это были широкие обобщения, выводы, а самой науки не было. Я довольно усердно работал над оправданием, обоснованием науки, не зная ее самоё. Я ругался с философией и литературой, а сам $\frac{3}{4}$ из того, что читал, кажется, посвятил этим двум областям. Отсюда, с одной стороны, отрицание литературы и философии в теории и довольно хорошее изучение их на практике и утверждение науки в теории с полным почти незнанием ее на практике. Я все время (вот уж года 3) философствовал, все мое дьявольское «ни туда ни сюда» – именно отражение этого. Довольно-с, конечно, философии и литературе оставить место, но обратно одну $\frac{1}{4}$, а науке $\frac{3}{4}$. Думаю, что я нашел истинный путь. Надо подумать о практическом разрешении.

21 марта 1909

Прочел сейчас с десяток юбилейных газет, и за двумя-тремя исключениями «смех сквозь невидимые миру слезы» и «все эти Чичиковы и городничие живут среди нас». Глупость и тупость <...> Да черт с ними со всеми общественными иде-

ями Гоголя, не за них люблю я его, сотворили по образу и по подобию своему чучело, наклеили ярлык с надписью «Гоголь» и давай своей же глупости венки возлагать. И как глубоко приходится рыться, чтобы, наконец, за слоем пыли увидеть Гоголя – Гоголя смехотворца. В этом весь он. Этот смех без слез, а просто смех, и без «сатиры». Это блаженство, нирвана малоросса – его счастье.

5 мая 1909

Странный перелом начинаю я замечать в своем сознании. Появляется какая-то неустойчивость, я начинаю критически относиться ко всему, у меня теперь нет никакого базиса, я не могу ни на чем остановиться. Задумаю разрешить какой-нибудь вопрос, а по дороге встречаю сотни новых, ранее и не возникавших проблем... получается какой-то сумбур, что-то безрезультатное совершенно... Где искать выхода, пока не знаю, а критицизм все растет и растет.

22 мая 1909

Все горит, ничего не осталось, ни одной прищепки, все обратилось в пар неуловимый, и я как будто жить перестал. Куда исчезает и наука, и искусство, и личность, и безличность и все. Черт знает что такое, что будет, не знаю.

10 июня 1909

...по моему мнению, истинное спасение человека в теоретизме, в удалении от практики или, скорее, в полном разделении практики и теории. Пора объясниться, а посему с

завтрашнего дня начнем нечто вроде философского трактата¹⁸, а пока – опять расслабляюсь.

8 июля 1909

Что же это такое. Я запутался совершенно. Дикие страсти с одной и бесконечный спутанный клубок мыслей с другой стороны. Не на чем остановиться, всюду пропасти, провалы. Книжки прочесть не могу, от того, что каждое слово, фраза вызывает целую череду диких мыслей-призраков. Пью валерьянку, думаю успокоиться, но ничего не выходит. Я все прежнее оставил, разрушил, в новом не разобрался, не имею этого нового, а вижу настоящую жизнь кругом, вижу свои гадости, и положительно с ума схожу, ни на чем не могу сосредоточиться, все тает, исчезает.

13 июля 1909

Университет... наука, но, Боже мой, от всякой науки я отстал, занимаюсь какой-то философской метафизикой, истинно научной книжки года два в руки не брал, и боюсь, прямо боюсь науки, науки-работы; я работать не могу, мысли разбегаются, начинаю философствовать, все обсуждать их *ovo*¹⁹ и далее, я уж беллетристику-то и то с трудом читаю, на каждом слове, фразе, запятой мысли, чудные, тяжелые, неповоротливые, возьмусь за тригонометрию, задумаюсь о поэзии, о Достоевском и черт знает о чем, читаю Достоев-

---

¹⁸ Обещание не выполнено.

¹⁹ Сначала (дословно – от яйца) (*лат.*).

ского – думаю о тригонометрии, теории познания и пр. Сижу, откинувшись на стуле, лежит передо мною книга, а мысли мои где-то далеко, далеко гуляют. Как-то в начале года писал я в шутку, «между небом и землею я повис»²⁰, но теперь я ясно вижу, что это не шутка, а истинное горе мое.

Я ушел от мира по направлению к мысли, книгам, науке... но, но я слишком поспешил, мне мир нужен, но я от мира отстал, и мир от меня, и я мечтаю, думаю о мире и не могу подойти к науке, к теории. Я еще не окончательно насытился миром, чтобы порвать с ним, я позабыл о возможности согласия мира и теории и не то, что погибаю, но болен серьезно <...> А между тем мир отошел от меня; на меня смотрят или как на чудака, или как дурака, много о себе мнящего <...> меня волнуют другие мысли, которых никому не понять, которые я сам едва чувствую. И вот в эти-то мгновения, когда я людям далек, а науки не знаю и чужд ей – я одинок совершенно, души нет живой, которая откликнулась бы мне, и в эти-то минуты я хочу разорвать это одиночество, но не могу... Кто будет моим другом, моим вторым «Я» – только представителем мира. <...> Борис [Васильев] – да если бы он был тем, что он есть, он мог бы, он самый истинный «человек», пожалуй, которого я знаю. Это милый, умный и, главное, воспринимающий настроения души человек. Но и он далеко, и я не знаю путей к нему, особенно после того. Что

---

²⁰ Стихотворение, записанное 2 февраля 1909 г., полностью приведено ниже в главе «Стихи С. И. Вавилова 1909–1916 гг.».

же мне делать, реву и взываю я? Быть может, там, в Университете, найду я душу, приобщившись к которой найду я пути к миру и восприму силы, нужные для науки. Может, может, я сойду с Б., но пока, пока ничего нет и нудно и странно мое висение между небом и землей.

17 июля 1909

Может быть, я просто странный человек, не то что сумасшедший, а с ума сходящий.

30 июля 1909

...все время голову ломал, ломал до боли физической... и почти до сумасшествия, и над чем, сам не знаю. <...> я почти что с ума сходил, не мог ни на чем остановиться, все исчезало, все плыло, и я чувствовал, как жизнь у меня из-под ног уходит. Мне горе, что не только я в целом, но и моя психика сама по себе раздвоилась. <...> я не могу ни на что смотреть, потому что у меня в психологическом смысле в глазах двоятся, и, что главное, двоятся так, что в мухе вижу я и муху, и слона. Уж право, не с ума ли я схожу? Одна надежда, что, кажется, сумасшедшие не сознают своего сумасхождения.

7 августа 1909

Идеал отдыха для меня – это лежание в жаркий день, в тени, под деревом на сене с «Тремя Мушкетерами».

24 августа 1909

...я распадаюсь, растворяюсь, исчезаю, остаются только

обрывки мои.

27 августа 1909

Я утвердил все и все отверг <...> Все игра, и даже мысль об этой игре – игра, и жизнь игра, и игра – жизнь. Игра и жизнь – стороны одной медали, но стороны разные, и вся задача человека в том, чтобы или на жизнь смотреть, как на игру, или на игру, как на жизнь, достигнуть покоя, нирваны. И вот в этом-то последнем, в созерцании науки-игры как жизни, как всего, я вижу спасение свое. Буду играть, но не думать, что играю. Эта та же прекрасная, единственно, мне кажется, верная мысль, которую я высказал еще довольно давно в этом дневнике в стихах:

Да, в жизни умереть
Вне ж жизни бурно жить
Вот цель моя, вот все мое стремление.

23 сентября 1909

Буду я ученым, буду, как и теперь, всем недоволен, умру, быть может, совсем, а может, и нет, и на этот счет у меня есть сомнения. <...> В конце концов, кем не кем, а как-нибудь жить придется, а потому пустим свою ладью по тому течению, которое первое ее подхватило. <...> пусть нашим девизом будет

Вниз по матушке по Волге

без руля и без ветрил.

Амен.

18 октября 1909

...не то чтобы я упал откуда-нибудь или вообще чем-либо переменялся; переменялось меня окружающее. Как будто бы стоял я уже на самой верхушке горы и надо мною были только облака, остальное все расстиралось под мною. Да, со мной ничего не сделалось, но облака-то вдруг растаяли, и я увидел над собой высокие непроходимые кручи, в сравнении с которыми высота, на которой я нахожусь, казалась смешной. Вот тут и надо представить соединение в одном лице еще не ушедшей психологии владыки, а с другой вновь появившейся психологии младшего дворника. Я чувствую, что мне необходимо делать, трудиться, заниматься как лошади.

20 октября 1909

...только теперь понимаю истинный смысл трагедии человеческой, заключающейся в том, что «там лучше, где нас нет». Я понял, что источник человеческого пессимизма совсем не в невозможности достижения чего-либо, а в том, что достигнутое теряет свое значение. <...> Ничего не достигать, а только стремиться, вот, как видимо, основное правило счастливого скептицизма. Достигнутая цель – источник всякой тоски, меланхолии и т. п. Всегда там лучше, где нас нет...

7 ноября 1909

Если угодно, то, что называется психикой, сознанием, если и существует, то не живет, и вот почему. Настоящего в психике нет, она вся в будущем или прошедшем. <...> категории времени в жизни (вернее, в существовании) нет, нет момента, есть понятие пространственное, понятие настоящего. Между тем сознание внепространственно, но целиком, функционально обусловлено временем. Скажу более, время есть функция сознания, психики, не в том смысле, что сознание выдумало время, а в том, что сознание и время почти тождество. Вообще, думается мне, исследование понятия времени и пространства по отношению к сознанию может многое объяснить.

11 ноября 1909

Мы живем только во сне, когда мы не мечтаем или, вернее, когда наши мечты осуществлены, и (особенность сна) о новых вещах мы не мечтаем. Пожалуй, верно, по общепринятому пониманию, что жизнь есть сон, а сон есть жизнь. Нирвана – не смерть, не покой, она жизнь, жизнь без стремления, жизнь *an und für sich*²¹. И если бы было возможно совместить жизнь с нежизнью, если бы можно было жизнь – проспать.

26 ноября 1909

---

²¹ В себе и для себя (нем.).

...хочешь поднять голову хоть на микрон выше самого себя, а падаешь вниз. Нельзя, я человек, я камень; вся моя псевдопсихика одно недоразумение; но и эти рассуждения тоже чепуха, только самомнение черт знает, да что черт, бог, никто, слов, слов, нет, понимаешь ли, слов нет. Зеркало не истина²², а зеркало, отражение, психика – только зеркало, которое можно разбить, а истина. Да нет слов.

20 декабря 1909

...утомительная трата времени, хождения по комнате, разговоры, «собрания», играение одним пальцем на пианино, чай и прочее... Вот это самое ужасное. Чувствуешь, что ничего не делаешь, чувствуешь, что устаешь, и главное чувствуешь себя виноватым, кругом виноватым... И вот из комбинации-то этих 3-х чувств и складывается то отвратительное²³ настроение. А тут еще иногда принимаешься за дело, за милую, хорошую математику и ничего не выходит, начинаешь рисовать, есть яблоки, ходить сверху вниз, снизу вверх... Мерзость.

25 декабря 1909

Чувство целый день евшего и евшего без перестановы шоколад, конфеты, чувство приторности, боли в зубах, боли в голове, пустота в голове – вот и все впечатления праздника. Я знаю, праздник нужен, в каком угодно смысле слова.

---

²² Слово «истина» зачеркнуто.

²³ Так у Вавилова.

Праздник по существу своему нечто высокое, праздника нет у животных. Праздник – это род жизни вне жизни; праздник вовсе не праздность. Праздник, если угодно, цель жизни и сам в то же время жизнь... Но... но, в праздник важнее всего сознание праздника, без этого же сознания он только праздность, отдых или проще ничегонеделание... И это все понимают. Я сам помню лет 6–7 назад, какая разница была в настроении в воскресенье и в царский день, когда не учился. Воскресенье – это праздник, а царский день так что-то такое, когда можно больше поспать, полениться... Потом, помню я, как постепенно исчезало у меня личное сознание праздника, как чего-то религиозного, но... другие сознавали праздник, и это выражалось во всем, и во мне, и я все же праздновал, а не сидел у праздника... Теперь и во мне и во всех праздник, душа праздника испарилась, остались только конфеты, конфеты, конфеты, визитеры, поросята, гуси, чистка дома... а посмотришь [–] те же хмурые физиономии. Да, праздник вымирает, он уж и теперь труп... А прежде, как хорошо, но и как грустно вспомнить прошлое, веру, счастье, елку, радостные лица, все это в тумане, все это такая радость. Где же это все. Что со мной; что со всеми. Что случилось?

1910

1 января 1910

Я начинал прошлый год убаюкивающим стихотворением

Тютчева... В этих словах я видел выражение всех моих помыслов и желаний, и я искренно просил:

...Дай вкусить уничтоженья
С миром дремлющим смешай.

Я желал только покоя, мне хотелось мечтать, философствовать и, ничего не делая, думать о нирване. Теперь не то... Я также ищу спасенья от «жизни» в кавычках, но я спасаюсь от нирваны, потому что это только обратная сторона той же «жизни», та же жизнь, но с обратным знаком. Я не хочу и не могу не «жить», но жить я должен, и потому:

Да в «жизни» умереть
Вне ж «жизни» бурно жить
Вот цель моя, вот все мое стремленье.

Этой настоящей жизни, жизни вне «жизни», я достигну наукой.

19 января 1910

«Da mihi punctum et terram movebo»²⁴, а punctum²⁵ – то и нет; просто дело в том, что ведь «я» – то сам тоже terra²⁶,

---

²⁴ Дай мне точку [опоры], и я поверну землю (лат.).

²⁵ Точка (лат.).

²⁶ Земля (лат.).

которую надо будет *movere*²⁷, но увы и ах, выше себя не прыгнешь, а проблема барона Мюнх[г]аузена неразрешима. *Relativität-prinzip*²⁸ вот α и ω .

7 февраля 1910

Ем, пью, лежу на диване, безобразничаю, играю на рояле, читаю газеты, журналы... когда же тут наукой заниматься. Посидишь, посидишь над аналитической геометрией, а потом дай-де лягу на минутку отдохнуть. Проходит минутка, потом другая, а там глядь для ровного счета и все $\frac{1}{4}$ часа, время идти за газетами, сбегает, принесли какую-нибудь ерунду, пока ее читаешь подоспевает ужин, там чай, а там уж 10 ч. и о, ужас, от аналитической геометрии одно воспоминание остается, надо по настоящему отдыхать. Берешься за беллетристику... Впрочем, благодарение Богу, начинаю я от всяких историй литератур, критик, философий и прочей дилетантской мерзости отставать, слава Богу перестаю понемножку быть «общеобразовательным», «миросозерцателем» и. s. w.²⁹

20 февраля 1910

Я вот теперь ускорил шаг к науке; и, кажется, должен был быть довольным, цель исполнена; но *heu mihi*³⁰ пошел-то я

---

²⁷ Двигать (лат.).

²⁸ Принцип относительности (нем.).

²⁹ Сокр. от *und so weiter* – и так далее (нем.).

³⁰ Горе мне (лат.).

пошел, но слишком быстро пришел к скату горы, откуда стала видна вся даль и недостигаемость конечной цели, и вместо радости вышло горе. Да, heu mihi.

4 марта 1910

Вот что только меня тяготит: ни мгновения я не помню, когда бы я был доволен, или, вернее, не то, что доволен настоящим, а когда бы мне не хотелось будущего.

13 марта 1910

Со вчерашнего дня мне пошел 20-й год. Sans doute³¹ я пока еще иду в гору и даже очень круто поднимаюсь. До 10 лет, до поступления в школу я был ребенком, ребенком трусливым, одиноким, мистиком, мечтавшим, мечтавшим и мечтавшим до 15 лет, я был учеником и опять мистиком, мечтавшим об алхимии, чудесах, колдунах, любившим играть в магию, много и без толку читавшим и глубоко верующим. С 1905 г. я стал себя понимать, сначала грубо и странно; я сделался поэтом, философом, мирозерцателем и... я стал выделяться. Я узнал, точнее, перечувствовал, и пессимизм, и оптимизм, и радость, и отчаяние, и научную религию, моим первым учителем была книга Мечникова. Но я никогда чуть-чуть глубоко не интересовался чужой современной жизнью, хотя кругом все и кипело. И революция была только толчком, переломившим меня в отношении мирозерцательном. Я никогда не хотел быть ни социалистом,

---

³¹ Несомненно (*фр.*).

ни кадетом, ни чем другим, я всегда бежал внешней жизни. Я всегда любил историю, вернее историю культуры, внешне-сти, любил искусство, любил науку, жизни я никогда не любил, я жил или прошлым, или красивым, или абстрактным. Но вот новая эпоха начинается, эпоха отпадения от мирозерцательности, эпоха чистой науки и искусства. Равнодушно спокойно и красиво прожить жизнь ученого – вот mon idée fixe³² теперь. Итак, я теперь в начале новой ступени моей жизни. Лестница, по которой я иду, – крута, но без излома. От мистицизма, заполненного жизнью, через псевдонауку, мирозерцательство я поднимаюсь к чистой абстрактной науке, и не хочу я идти по другой дороге, не прельщает меня ничто другое, и своей дорогой я доволен вполне. Но одно дело дорога, а другое идущий по ней. Вот собой-то я и недоволен, слишком медленно иду я, слишком близко еще, под ногами разные эмпириокритицизмы, энергетизмы, дарвинизмы, и слишком высоко еще кристально чистая наука.

8 апреля 1910

Ничего я не люблю, ничего не ненавижу. И это, ей Богу, не слова, это факт, мне иногда страшно за самого [себя] становится <...>

Я люблю историю, книги, картины потому, что это красиво. Мой эстетизм – это единственно возможное отношение человека с атрофированной социальной стороной к жизни.

---

³² Моя навязчивая идея (фр.).

У меня нет этики, религии, истинной страсти потому, что я не совсем человек, как все человеки; у меня есть эстетика, потому что я еще не совсем «не человек».

18 апреля 1910

Сегодня Пасха, дворники пьяные, колокола звонят, а мне ужасно не по себе. Почему? Точно не знаю. Я было начал заниматься, как следует на Страстной [неделе], да тут под-вернулся Иван Евсеич. Я люблю и любил красоту страстных служб, но, ей Богу же, ложиться в 5 ч. утра, целый день стоять на ногах, слушать какие-то идиотские «непорочны» — это скверно: а они-то у меня все время отнимали; придешь домой весь разбитый, зеваешь, спишь, только и можно что «Войну и мир» читать, а уж куда тут до математики.

10 мая 1910

Мне скучно, бес.

Что делать, Фауст?

Таков вам положен предел,

Его ж никто не преступает.

Вся тварь разумная скучает:

Иной от лени, тот от дел;

Кто верит, кто утратил веру;

Тот насладиться не успел,

Тот насладился через меру,

И всяк зевает, да живет —

И всех вас гроб, зевая, ждет.

Зевай и ты.

31 мая 1910

Нашел в одном старом дневнике, кажется, 1905 года, даже что-то в таком роде: «Вот уж четыре месяца, как я не верю в Бога». С одной стороны, *c'est ridicule*³³, а с другой *c'est tres interessant*³⁴, да и не то что *interessant*, а так как-то ощути-тельно чувствуешь какую-то идейную лучинку, действительное «миросозерцательство». Да, *mon Dieu*³⁵, как это смешно и как это романтично. Ах, как я здорово когда-то доказывал небытие Бога арифметической прогрессией, какой я был «жрец науки» и как глубоко я верил, что «царство науки не знает предела, всюду следы ее вечных побед». 1) Бога нет. 2) Цели жизни нет. 3) Произошли люди от обезьяны и 4) Все подчиняется физико-химическим законам, а потому да здравствует наука. Ах, как это просто, ну, конечно, это не важно, и – глупо. Ну, да и после не умнее. Прочел Ибсена, Мережковского и... Америку опять открыл – все дело в личности, *hier ist die Hund begraben*³⁶; личность – это религия, пессимизм, «дисгармонии», а потому долой личность; а тут еще на грех Мах подвернулся, ну и поехало, долой личность, хочу с космосом слиться, «всё во мне и я во всем» –

---

³³ Смешно (*фр.*).

³⁴ Очень интересно (*фр.*).

³⁵ Мой Бог (*фр.*).

³⁶ Вот где собака зарыта (*нем.*).

а ведь это все в прошлом году, следовательно, недавно. Да, да глупо, но несомненно горячо. *Maintenant tout est calme*³⁷. Всякое мирозерцательство исчезло, т. е. не «мирозерцание» исчезло (оно, хочешь не хочешь, существует), а именно мирозерцательство, горячность, вера в истину. Я стал эстетиком, а это мирозерцание как таковое *contradictio in adjecto*³⁸ и *resume* потому-то кажется и не пишется искренно, но, может, и не оттого, может, и ошибаюсь, *Ich kenne nichts*³⁹, и мой девиз

Ihr durchstudiert das gross und kleine Welt
Um es am Ende gehn zu lassen
Wie's Gott gefällt⁴⁰.

Впрочем, это вовсе не значит, что я в науке отчаялся; во-все я не отчаялся и верю ей матушке по-прежнему, если не больше. Просто именно мне в ней и нравится это «*gehn zu lassen, wie's Gott gefällt*». Ох, боюсь я знания истины *vérité*⁴¹, *heilige Wahrheit usw*⁴², боюсь превращения я музыки Божьей

---

³⁷ Теперь все спокойно (*фр.*).

³⁸ Внутреннее противоречие (*лат.*).

³⁹ Я ничего не знаю (*нем.*).

⁴⁰ «Большой и малый свет вам изучать придется. / А там – пускай все остается, / Как бог пошлет» (*Гете И. В.* Фауст. Сцена 4. Слова Мефистофеля. Пер. с нем. Н. А. Холодковского).

⁴¹ Истина (*фр.*).

⁴² Святая правда и т. д. (*нем.*).

в шарманку. Да-с, и в науке, до поры до времени, я пока эстетик, и вся моя холодность-то теперешняя, не мирозерцательство, есть просто почва научная, на которой nous reservons toujours l'esperance⁴³ возрастут не одни плевелы, а и плоды полезные, если и не для других, т. е. minimum, pour moi⁴⁴. Теперь время летнее, надо сеять озимые, а я еще не начинал, дай Бог начать.

9 июня 1910

[Когда-то] начал я писать и написал самое мое пока обширное творение «О цели жизни и об оправдании жизни». Творение отчасти глуповатое, отчасти невежественное, но все же для меня-то чрезвычайно ценное, именно оно помогло мне освободиться от самого же себя; оно дало мне случай ясно, твердо высказать все, что в голове философского было, и тогда-то только увидел я глупость, чепуху многого и сумел ото всего этого освободиться. «Трактат» этот был своего рода кровопусканием.

12 июня 1910

...если бы, положим, сегодня был мой последний день, и, положим, я бы давно примирился со смертью, не отчаивался бы, а только бы желал все, что по моему вкусу лучшее в жизни взять напоследок, как можно в большом количестве; ну

---

⁴³ Мы всегда сохраняем надежду (фр.).

⁴⁴ Минимум, для меня (фр.).

pour moi, le mieux c'est la science, l' esprit, en un mot esprit⁴⁵, так я бы этот последний день прожил бы действительно со славой. И вот если бы chaque jour etait pour soi⁴⁶ (повторяю, опять это не то, что «для каждого дня довольно своей заботы»), тогда бы был рай земной, parole d' honneur⁴⁷. Да-с, а я, да и все и последний-то день считают не последним; все как будто бы стремится к чему-то, а в результате к 0 «абсолютному». Дурачье, и я дурак, первый, физически жизнь – течение, но психически, сознательно, жизнь топтание. Думают (и думаю) топчемся, топчемся, пока без толку, но все это подготовка к будущему танцу изящному и грациозному, воображайте, воображайте о homines stultissima⁴⁸; топчетесь вы, а в конце от усталости подохните. Танцевать, так танцуйте сейчас, и, ей Богу, если бы вы всю жизнь танцевали и умирать-то было бы приятно, по крайней мере avec l' honneur⁴⁹.

27 июля 1910

...за своим столом, с своими книгами, в своей кровати, я наслаждаюсь и отдыхаю.

4 августа 1910

Я в Пизанском соборе; несутся торжественно-тоскливые

---

⁴⁵ По мне, лучше всего – наука, дух, одним словом – дух (*фр.*).

⁴⁶ Каждый день был [бы] сам по себе (*фр.*).

⁴⁷ Слово чести (*фр.*).

⁴⁸ Глупейшие люди (*лат.*).

⁴⁹ С честью (*фр.*).

звуки органа; со стен смотрят века... Но ни на что я не смотрю, ничего не слышу... Мое внимание, моя мысль, я весь устремлены на паникадило, паникадило Галилея... Здесь для меня прошлое, будущее, здесь для меня олицетворение единой загадки моей жизни – науки; все – и стены, и люди, и орган, и паникадило, и истлевшие кости Галилея во Флоренции поют мне великие, загадочные слова Мефистофеля:

Ihr durchstudiert das⁵⁰ gross und kleine Welt
Um es am Ende gehn zu lassen
Wie's Gott gefällt⁵¹.

Где наука? В этом ли паникадиле, или в черепе Галилея...
но (перефразирую)

Великий череп... ныне прах
И им замазывают щели.

Наука тот призрак, который влечет меня, по отношению к которому весь мир кажется декорацией, где ты? Спряталась ли ты в Пизанской Галилеевой башне, или засела в колбах алхимиков в Нюрнберге, или почиваешь в книгах... Мир идет своей чредою, люди учатся, создаются новые универси-

---

⁵⁰ Правильно: die.

⁵¹ «Большой и малый свет вам изучать придется. / А там – пускай все остается, / Как бог пошлет» (*Гете И. В.* Фауст. Сцена 4. Слова Мефистофеля. Пер. с нем. Н. А. Холодковского).

теты, музеи, печатаются книги... наука живет. Но где же она? Наука не проявление жизни; не могу я науки ставить рядом с искусством или техникою; наука не отдел; она все или ничто; наука заключает в себе жизнь. Заключает ли жизнь в себе науку? Вот вопрос. Паникадила и черепа, и книга, конечно, в жизни. Но в черепах ли наука или паникадилах? Наука – психического происхождения и, как всякая мысль, с одной стороны в черепе, а с другой нет. Вот род ответа. Но и это не так. Дело в том, что науку в уме заключать нельзя, можно заключать знание, но не науку. Говорят, наука отражение мира. Нет, зеркало, но не отражение; зеркало может и отражать, а может и не отражать. Если наука может, она все-таки наука; алхимия столь же наука, как и химия; да, несомненно, дело в зеркале, а не в отражении. Однако что же это за зеркало, где наука?

8 августа 1910

...я хотел тени жизни – науку. Я приучил свои глаза и в искусстве не видеть жизни истории, а только красоту. <...> ... да и смотрел ли я, не знаю? Я прилаживал все к моей мечте – вот что было для меня главное.

15 августа 1910

...очень часто сны мои переносят меня куда-нибудь во Флоренцию или Мюнхен, минутами мне начинает казаться странным, что я слышу русскую речь.

21 сентября 1910

Не хочет ли кто взять труда
Внушить им Оптике законы?
Пожалуйте ко мне сюда
Лаланды, Эйлеры, Невтоны –
Скажите им, коль вам досуг,
Как солнце движется в эфире,
Как луч его дробится в мире,
А я пойду соснуть на луг⁵².

А что, право, не «пойти ли соснуть на луг», ведь мое единственное спокойное состояние, равновесие – это сон. Не соснуть ли? А?

30 сентября 1910

Было время, когда можно было лежать на постели, играть на пианино, философствовать. Теперь я уже не лежу, на пианино не играю, а работаю, работаю сильно, но в том-то и беда, что когда я на постели-то лежал, я чувствовал себя более работающим, чем теперь. Были плоды, теперь их нет.

21 ноября 1910

Был сегодня в астрономической обсерватории, странное и интересное впечатление. <...> Недаром звездам молились, мы и теперь им молимся, астрономия столь же наука, сколько богослужение; и право же в обсерватории чувствовалось, как

---

⁵² Строки из стихотворения И. М. Долгорукова (1764–1823) «Хижина на Рпени».

в храме <...> Физики и математики могло бы и не быть, астрономия же неизбежна. <...> Все науки в конце концов слушают только астрономии...

12 декабря 1910

Я не могу себе вообразить Фауста в пиджаке, в зеленом с крапинками галстуке, обремененного супругой и чадами, имеющего и любящего лошадей, читающего газеты, ходящего в театр и т. д. Между тем современные Фаусты именно таковы, современный Фауст похож на всякого, теперь всякий сойдет за Фауста, или, точнее, никого нельзя принять за Фауста. <...> теперь не только все могут быть Фаустами, но и все на деле Фаусты. Хоть на грош да Фауст, хоть дурак и жулик, но Faust; фауствоство теперь подешевело, его продают оптом и в розницу; дешево и крепко.

18 декабря 1910

...в 9-й симфонии я первый раз понял силу музыки, силу непобедимую, силу неотвратимую. О чем говорит 9-я симфония? О победе над собою и о радости всех; симфония в конце концов только иллюстрация к «Lied der Freude»⁵³ Шиллера, в которую она в конце концов и прорывается: «Seid umschlungen Millionen»⁵⁴; в конце концов, это скучно. Ведь сто или тысячу раз слышал я это предложение

---

⁵³ Ода к радости (нем.).

⁵⁴ Обнимитесь, миллионы (нем.).

«umschlingen»⁵⁵; ведь это вода; Шиллер написал это стихами, какой-нибудь Сен-Симон научным трактатом... и, в конце концов, скучно; но вот написал Beethoven и я тоже готов кричать:

Seid umschlungen Millionen.

Здесь такая радость, такой порыв, сознание исчезает, слышишь музыку и понимаешь и сам кричишь:

Душу Божьего творения
Радость вечная поит
Тайной силою брожения
Кубок жизни пламенит
Травку выманила к свету
В солнце хаос развила
И в пространствах, звездочету
Неподвластных разлила

Почему же музыка так сильна? Почему ничто не сильнее ее? В конце концов, музыка упражнение в арифметике, но почему $2 \times 2 = 4$ скучно, а музыка сильна? Пока не знаю.

1911

1 января 1911

---

⁵⁵ Обняться (нем.).

«Von Buch zu Buch, von Blatt zu Blatt»⁵⁶ этими строками начинаю я новый год, здесь заключены все мои желания и стремления; большего я не хочу. <...> Зачем разводить новые виноградники и делать новое вино, когда подвалы ломятся от накопленных веками сосудов с благовонными тончайшими вековыми винами; библиотеки полны, они необъятны, необъятнее, чем сама жизнь; зачем я стану тянуть противное, мутное, не перебродившее сусло, когда я хозяин несметного богатства.

12 января 1911

Мы имеем великого исторического Фауста, Леонардо да Винчи, вот с кого надо писать Фауста. Ученый и художник, всегда зеркало и никогда жизнь.

20 января 1911

Да наука, в конце концов, какой-то неуловимый призрак. Ведь вот (возвращаясь опять к «зеркалу») вопрос-то: я спрашивал прежде, что такое наука, зеркало или отражение в нем, а теперь я сомневаюсь, что без отражения-то возможно это самое зеркало, или нет. В остальном параллель можно провести очень широко и глубоко: ложная наука – кривое зеркало, гипотезы – разные полировки зеркала и т. д. Но вот в вопросе-то, существует ли это зеркало без изображения, в нем и закавычка.

---

⁵⁶ «От книги к книге, от листа к листу» (нем.) (Гете И. В. Фауст. Сцена 2; в переводе Н. А. Холодковского: «За томом том, страницу за страницей»).

16 февраля 1911

...исчезает «мудрое одиночество». Ужасно и то, что наряду с этим исчезновением одиночества не появляется «истинного друга», моей заветной мечты.

...я теряю голову, не знаю, что делать: мечтаю о Берлине, о писании «Фауста», строю замки воздушные et non plus ultra⁵⁷. <...> Я погружаюсь в нирвану: в старину, в искусство, а нужна наука, она единая. Я люблю ее, все остальное сор и мишура перед нею, я молюсь ей, но не вхожу в нее. «Доколь же, доколь». О, явись sancta «vis motricis impressa»⁵⁸, помоги inertiae⁵⁹.

4 марта 1911

Я пока еще ничто, а ношу форму чего-то; быть ничем я могу, а казаться – не в силах. Но я не ворона в павлиньих перьях, а скорее павлинье чучело, дожидющееся павлиньей души.

13 марта 1911

Вчера мне исполнилось 20 лет. Третью жизни, по крайней мере, прожита. До поставленной мною цели – «ученого» в эти 20 лет я еще далеко не достиг, все еще в тумане и иногда бывают даже сомнения, достигну ли когда-нибудь. <...>

---

⁵⁷ [et] nec plus ultra – [и] дальше некуда; крайний, высший предел (лат.).

⁵⁸ Святая «запечатленная движущая сила» (лат.).

⁵⁹ Инерция (лат.); у С. И. Вавилова – «inertiae».

В сущности, я всегда был частью поэтом, мечтателем, философом или ученым. Это я помню отлично. Теперь задача в том, чтоб сделаться ученым всецело, всецело уйти в область «зеркальности».

3 апреля 1911

Всех смертных ждет судьба одна:
Всех чередом поглотит Лета
И философа болтуна
И длинноусого корнета
И в молдованке шалуна
И в рубище Анахорета
Познай же цену срочных дней
Лови пролетное мгновенье!
Исчезнет жизни сновиденье
Кто был счастливей, был умней⁶⁰

26 апреля 1911

Да наука ли мой Бог, не слишком ли моя любовь к ней платонична. <...> К черту все эти романы и искусства, это яд, медленный, но страшный. Ведь надо же опомниться... <...> Когда же, наконец, придет день избавления, я сделаюсь физиком и умным.

15 июля 1911

---

⁶⁰ Из стихотворения Е. А. Баратынского (1800–1844) «Живи смелей, товарищ мой» (1822); в последней строке у Баратынского «Кто был счастливей, кто умней».

Лицо Джаконды⁶¹ – лицо идеального ученого; это такое безбрежное спокойствие духа. Такой ум и бодрость, о которых можно только мечтать. <...> Джаконда – это дух истинной науки, и я стоял перед ней и думал о себе, мечтал, раскаивался, строил планы.

11 августа 1911

Джаконда высшее счастье человеческое, нирвана, наука, спокойствие, равнодушие и размышление.

12 декабря 1911

Мне нужно поступательное прямолинейное движение, а я как белка в колесе прыгаю, кружусь, описываю замысловатые вензеля и на том же месте. И главное никто этого не знает, я один, один во всей вселенной; я всегда кажусь, одним – ученым, другим – простаком, третьим – нулем, а я ведь ни то, ни третье и не другое. Я очень сложен, но zu meinem grössten Bedauern⁶² замкнутая кривая. Я из Достоевского или Hofmann'a, а об этом никто не подозревает. Стою я сейчас, без надежды, без тоски и в бессилии – шепчу:

Как ни живи, жизнь проживется,
Как ткань ни тки, нить оборвется.

«Пифагор говорил, что свет сей так как некоторая ярмон-

---

⁶¹ Так – Джаконда, а не Джоконда – Вавилов пишет в ранних дневниках до 1914 г.

⁶² К моему большому сожалению (нем.).

ка, на которую съезжаются трех родов люди: одни для покупки, другие для продажи, а третьи, чтобы посмотреть что делается на ярмонке, и последние называл он Философами и счастливейшими от других. Может быть что в те времена не было такого множества воров и мошенников, сколько оных ныне находится; всеконечно бы Пифагор и об них что-нибудь прибавил» (Смеющийся Демокрит). Так вот, я ни купец, ни покупатель, ни зритель, ни вор на этой ярмарке, а просто какой-то и Missgeburt⁶³ и сумасшедший, который неизвестно зачем ворует, продает и покупает и на все это любит; он убогий купец, плохой покупатель, кривой зритель и глупый вор. Ах, как я желал бы сделаться определенным лицом на мирской ярмарке, все равно кем, только бы не сумасшедшим.

1912

1 марта 1912

Лебедев умер. <...> Ужас на сердце, тоска и тайна смерти перед глазами. Вот он, вытянувшись спокойно, в своей черной бархатной тужурке и в туфлях. Где же душа, душа великого физика... <...> Смерть, ладан, свечи и физик среди этого. О, насмешка и ужас. Наука, где же ты, что ты. Не наука мир объемлет, а мир ее. Нет ужаса ужаснее смерти ученого и

---

⁶³ Урод (нем.).

поэта. В мире зеркальности в отражение врывается отражаемое, и зеркало разбито. После смерти Илюши эта вторая, производящая во мне ужас и бунт. После первой я очутился вне религии, после этой может⁶⁴

30 апреля 1912

...в голове какая-то безусловная апатия, на романы и то не хватает... только спать.

16 июня 1912

Чудная мистическая тишина стен Колизея, освещенных луною, наводила на историко-эстетические мечтания и соображения. Ясное бледное небо с Большой Медведицей говорило опять больше о науке, но вносило тот оттенок историзма, философии и эстетизма, который свойственен астрономии.

20 июня 1912

Рим есть мечта. Блаженства созерцательной жизни, науки и эстетической этики, где же ее оценить как не в Риме.

23 июня 1912

Далеко-далеко где-то Москва, мои книжные шкафы, все, что в голове, представляется туманным и далеким, а здесь свободная голова и никого вокруг, я один. Как редко дается такое счастье. Здесь в одиночестве чувствую себя другим...

---

⁶⁴ Текст обрывается, далее вырван один или несколько листов.

26 июня 1912

[море, около Ливорно] Дни и годы могу смотреть на небо, удивляясь, восхищаясь, находя пищу уму и сердцу. Вечные отвлеченные и такие конкретные огни. Каким трепетом и восторгом одновременно проникаешься при взгляде на небо.

3 июля 1912

[Венеция:] Не город, а сон и сказка.

10 июля 1912

Италия и прочее – только внешнее, только декорация, а суть – наука.

6 августа 1912

Из области Gedanken – Experimente⁶⁵. Предположу, что я помещен в абсолютно замкнутую изолированную систему, т. е. исключено всякое общение с другими системами, но в систему включены все «блага культуры», т. е. книги, картины, музыка, инструменты и прочее. Спрашивается, за что первое я схвачусь, что начну делать и буду делать. Система пусть замкнута абсолютно, т. е. все, что я делаю, остается в настоящем и в будущем только для меня. Одним словом, solo ipso sum⁶⁶. Эксперимент очень интересный в смысле понимания себя самого, себя, очищенного от прочего. Писать бы я, конечно, ничего не стал, смешно, право, ведь это-то уж,

---

⁶⁵ Gedankenexperimente – мысленный эксперимент (нем.).

⁶⁶ Я один (лат.).

конечно, для других и только изредка для «другого» себя, т. е. как воспоминание. Читать бы я стал, но кого, конечно, не Voigt'a или Plan[c]k'a, а Дюма, Пушкина, Гете, критиков, эстетов и газеты (я газеты читаю именно как «Дюма», а вовсе не из-за любопытства), одним словом, я стал бы эстетом... Но это не главное, совсем не главное, главное в том, что это опостылело бы довольно скоро, и, безусловно, я взялся бы за науку, и только, конечно, за физику и математику. Почему? Ну, тут уж, кажется, область биологии, которую я недолюб-ливаю⁶⁷, почему? да потому что математика и физика – эстетический труд, а труд (вот тут-то именно и есть биология) *conditio sine qua non est*⁶⁸. Между прочим, я сейчас еще не решил, стал бы я ломать стенки своей замкнутой системы, если бы к тому представлялась возможность, может быть – и не стал бы, а может, сломав и осмотревшись вокруг, опять бы починил.

13 августа 1912

...видел странный сон, произведший на меня впечатление самое гнетущее. На моих руках умирал брат, определенно до последнего⁶⁹

2 октября 1912

---

⁶⁷ В оригинале частица «не» вписана позднее карандашом перед чернильным «долюб-ливаю».

⁶⁸ Есть обязательное условие (*лат.*).

⁶⁹ Запись обрывается, далее в дневнике вырвано несколько листов.

С каждым мигом я для себя все более и более и проясняюсь, и... ужасаюсь. Какая-то сплошная неспособность, никакого сопротивления вынести не могу. Порою признаюсь себе в самой ужасной вещи, а не ошибся ли я, сделавшись физиком. Это правда, физику я люблю, для меня это безусловная *prima res*⁷⁰, но ведь Пушкина-то можно любить, а Пушкиным не быть, любить же физику значит быть физиком. Для меня сейчас все пути закрыты, сопротивляться я не смогу, и остается одно – «Италия». Кроме этой собственной неудачи и неспособности, какой-то кошмарный фатализм целесобразных случайностей. По всему фронту я терплю сейчас поражение, и главное – никаких надежд, а если что и есть, так только возможность красиво и приятно забыться. Может быть, и этого довольно, не знаю.

4 декабря 1912

3 дня вот уже я в довольно взволнованном состоянии; купил на Сухаревой⁷¹ настоящую итальянскую *sessacento*⁷², картина школы Леонардо, некоторые детали написаны превосходно; в состоянии картина очень печальном; антикварий, у которого я покупал картину, находил в ней только хорошим раму. Но я доволен, какой-то новый аромат в окружающей обстановке, что-то совсем живое. Италия и шест-

---

⁷⁰ Первая вещь (*лат.*).

⁷¹ Букинистический и антикварный рынок на Сухаревской площади, где Вавилов был завсегдаем.

⁷² Шестнадцатого века (*ит.*).

надцатый век теперь со мною. Бог ее знает, может по этому полотну прошла кисть и самого «maestro», ведь духом-то Леонардо она полна.

31 декабря 1912

Я пережил свои желанья,
Я разлюбил свои мечты.

В этом году у меня ничего катастрофического не случилось, все «текло» – но все же вернее всего это был год отчаянья, каждый день приходилось «переживать свои желанья» и прощаться с мечтами... <...> Ведь весь этот год, по крайней мере с 1-го июня по 31 декабря – полон Италией, эстетизм вошел во все поры души моей <...> И это было хорошо – Италия меня спасала, была той подушкой, на которую я всегда благополучно сваливался после всякого рода крушений. <...> Теперь второе – наука. И в нее я тоже вошел, и ей тоже полно мое существование – но все-таки, кажется, я не ученый. Впрочем, что же, ведь «как ни живи – жизнь проживется» – а в общем схема жизни моей прекрасна, искусство – как этика, а наука – как суть. Но пишу-то я пока что не о деле. А дело в том, что я – почти больной человек, я, как уже писал, немножко из Гофмана, Достоевского и Розанова... <...> В общем настроение и прочее у меня сейчас таково, что вот я сейчас думал, а что, если я в 12 часов ночи «покончу жизнь свою», так это мне страшным и ужасным не показалось.

1913

23 января 1913

Поразительная вещь, все наши физики (впрочем, может они не физики) – эстеты, скрытые ли, явные ли, но эстеты безусловные. П. Н. Лебедев был музыкантом, любил Италию etc. П. П. Лазарев под шумок читает стихи и романы. [А. К.] Тимирязев в этом отношении более чем подозрительный – и музыка, и картины, и романы, и философия etc. Даже честный Порт и то почитатель Венер. К. А. [Леонтьев?] скрипач etc. Низшая братия, Селяновы, Павловы, Молодой, я – эстеты безусловные. Это более чем правило, это прямо закон. Не то обратная сторона медали, не то необходимая принадлежность лицевой стороны. Наука и искусство (очень редко + философия и прочая дрянь, это очень важно).

9 февраля 1913

Тишина и одиночество. Во всяком одиночестве есть доля скуки, печали и благородства. Именно одиночество-то и есть признак благородства: «Ты царь – живи один». Быть одним это высшее благородство и высшая печаль. У меня друзей, кроме книг, нет, все мои «дружбы» формальны, т. е. просто как-то скользят. По себе я человека не нахожу, да думаю, и не найду.

28 марта 1913

Я, кажется, больной человек, не способный ни к чему целому и, главное, в разладе с роком. Я человек судьбы. В свое «нутро» мне порой страшно заглянуть, такая там каша и неразбериха. Сознаю себя какими-то клочками и урывками. Судьба могла бы меня двинуть вверх, я сам не могу; а судьба, как нарочно, иной раз и в пропасть толкает. Весна, а у меня сейчас самое осеннее настроение <...> Что будет со мной 28-го марта через 3 года? Кем я буду, я не знаю. Рельсы судьба из-под ног у меня вырвала и куда иду, не знаю. Одно утешение, открываю Александра Сергеевича и убаюкиваюсь.

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смиришь!
День веселья, верь, настанет.
Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло:
Все мгновенно, все пройдет;
Что пройдет, то будет мило.

23 июня 1913

Я всегда играю роль и не знаю даже, бываю ли я вообще когда-нибудь самим собою. С другой стороны, это самое игранье для меня в высокой степени утомительно. Когда я остаюсь один – я блаженствую.

26 июня 1913

К кладбищам у меня удивительная привязанность. Воздух на кладбищах насыщен какой-то чудной элегической философией. Кладбища всегда красивы, и у гробового входа природа всегда сияет вечной красотой.

30 июня 1913

...пора бы мне, может, и плюнуть совсем на картины... и даже на Италию и заняться физикой. Там единственно несомненное, важное, серьезное и святое, и интересное.

«...» Я сам никогда не скучаю. Я не знаю, как жить без книги, но я не знаю и скуки.

4 июля 1913

Venezia. Опять я в этом диковинном городе парадоксов. В прошлом году она была прямо логической основой моему эстетизму. Раз есть такое место на земле, чистый эстетизм возможен и мне нужен. «Теперь уж я не тот», но чудо вновь покоряет, вновь грация и лень Венеции протягивает за мною свою руку. Даже в дождь Piazza⁷³ как в сказке. Какое-то заколдованное место. Роскошная, сладкая, нахальная и красивая Венеция.

7 июля 1913

Скорее всего, несмотря на всю мою антипатию к философии, я философ. «...»

Венеция прелестна, только порой трупным запахом несет.

---

⁷³ Площадь [Св. Марка] (*ит.*).

В сущности говоря, я рад, что наслаждение искусством отравляется для меня тоской по науке, это начало преодоления «эстетизма».

14 июля 1913

Чужая жизнь для меня малоинтересна, как география и социология. Мне интересно только искусство. В этом вся трагедия. Мое путешествие, это новая и солидная зарядка «эстетизмом» на год. Эстетизм – это яд моей науки. Я думаю, что теперешнее путешествие последнее эстетическое. Это похороны моего эстетизма. Я не отказываюсь от него, как от морали и философии, но отрекаюсь как от специальности.

15 июля 1913

Мое место спасения – Италия, – кажется, отошла на второе место, и я всерьез иногда думаю о монастыре. Ведь это тоже Элизиум и Нирвана (глухой монастырь). Книги, келья и лес – больше ничего не надо.

«...» Пожалуй, правда «La Primavera»⁷⁴ полное олицетворение «грациозной, манящей Флоренции». «...» Здесь *dolce far niente*⁷⁵, элегия и безрезультатность. От этой картины надо бежать – она-то и есть тот эстетизм, который большой враг мой.

В картине надо отрезать всю правую часть, безобразную

---

⁷⁴ «Весна» [Боттичелли] (*ит.*).

⁷⁵ Приятное ничегонеделанье (*ит.*).

по сложности (кроме амура). Тогда настоящее «небытие».

«...» Мне надо по приезде в Москву сделать очень трудное – забыть или свести до минимума всякую поэзию и искусство, читать 1 газету, научные журналы и... учиться. Концерты тоже к черту. Туда же и библиоманию. Стать самим собою и делать дело. Как это просто и как это трудно. Я себе даже не представляю, чтобы я не купил, если бы видел 1-е издание Фауста, или подобное. Мне не нужно, но я куплю. Я желал бы остаться без денег.

16 июля 1913

И любовь к Италии штамп, и от него я, дай Бог, освобожусь. Впрочем, купил книгу о Piero della Francesca, которой буду, конечно, заниматься. «Две души во мне живут». «...» Элегическое настроение – лучшее в мире, это лучше радости.

19 июля 1913

...боюсь, что Италия встанет опять передо мною «прибежищем» и единственной надеждой. Это страшно, потому что убаюкивает. «...» ...я понял всю глубину и пользу такого странствования, но одиночество мне многое и раскрыло, многое я в себе понял в первый раз. Мое путешествие было отчасти бегство, бегство от узла всяких сложностей в Москве.

31 июля 1913

На сон грядущий, возьму себе за правило читать часа 1½

про всяких Piero и Giorgione...

3 августа 1913

Читаю много, можно сказать все время, кроме сна, читаю. Читаю за чаем и обедом, в трамвае, мой отдых – чтение, лежа...

8 августа 1913

Мое самое заветное желание найти «alter ego», меня бы понявшего в корень и полюбившего; мне недостает зеркала, а потому я себя и не вижу; все-таки единственные друзья мои на свете – книги, о них надо бы и написать, посвятить им оду. Без них – жизнь была бы пуста и суха и жестка, как жестянка.

13 августа 1913

Я, пожалуй, счастлив в одном отношении: я никогда не скучаю, когда в одиночестве, потому что всегда «занят»; скучаю только с другими.

13 сентября 1913

[Записано по-немецки; перевод:] И снова тот же вопрос: «Что же я собой представляю?» Как я теперь вижу, я – очень сложная смесь черт матери и отца. Моей матери я обязан всем, что в моей натуре иррационально, поэтично и мистично. Моя мать, безусловно, умная женщина, одаренная – к счастью или к несчастью – некоторыми особенностями, говоря в общем смысле – к полному самозабвению. Вся ее жизнь в нас (детях) и в воспоминании об умершем брате. Ее отец,

как и ее братья, были вполне одарены талантами (живопись), и в ее понимании это было нечто выдающееся. Моей матери я обязан также многими своими недостатками – слабоволием, особой замечательной логикой и т. д. Мой отец, как и его родственники, умные, сильные, но грубые крестьяне-купцы. Все мои внутренние борения – от этой отцовской силы. Но грубость, моя замкнутость и невозможность быть вполне откровенным унаследованы ныне от отца. Я полагаю, что материнские свойства во мне перевешивают. Возможно, в этом заключены также вечные внутренние противоречия во мне, мои «две души» – в этом большое отличие от детерминизма матери и отца. Все это так, и, тем не менее, я есть я – ни отец, ни мать. В общем мой характер мне совсем не нравится. Я по характеру фаталист. Судьба и внешние обстоятельства играют в моей внутренней жизни огромную роль. Моя кончина должна быть совершенно трагической. Я не могу далее следовать по жизни по общепринятым правилам. Кем я буду? Этого я не знаю, все зависит от моей трагической судьбы. В лучшем случае я стану очень плохим профессором физики. В худшем же, если к внутренней катастрофе присоединится внешняя, я стану бродягой или монахом (последнее вероятнее всего, это лучший способ ухода из мира и, кроме того, ведь я безусловно склонен к религии. Это я точно знаю, и я в прямом смысле, а не просто эстетически «православный»). Наконец, третья возможность – что вся моя жизнь останется столь же неопределенной, как и сейчас смесь плохого физи-

ка и плохого эстета.

29 октября 1913

[Записано по-итальянски; перевод:] Думаю даже всерьез о смерти как об истинном выходе из положения.

21 ноября 1913

Хороших моментов совершенно не испытываю, даже сны отвратительны.

7 декабря 1913

Я или больной, или совсем несчастный человек; а главное я solo. Ведь существо, с которым у меня невидимые духовные связи, только мать. Она одна. Писать о том, что я сейчас думаю, не могу, слов нет, не выговоришь какие-то кошмарные кругозоры, откуда и «все» [–] и Бог, и мир [–] кажутся только *esempio*⁷⁶.

Сочельник

Сегодня ночью самые несчастные люди всякие атеисты, эстеты и прочие, люди, оставшиеся без праздника. Они чувствуют необходимость праздника, гадкость своей пустоты – но не могут. Правда, из-за одного сочельника сложно сделаться мистиком и поэтом. Я не атеист и, слава Богу, не эстет <...> Я каждую минуту могу сделаться самым религиозным человеком, ханжой <...>

Я ведь, в сущности, совсем не пессимист. В мире прекрас-

---

⁷⁶ Наказание (*ит.*).

ного много. Недоволен я собой, но и об этом говорить сейчас не хочу.

Физика, в сущности, самая настоящая метафизика – потому что она имеет дело с фактом, с индивидуальным. Ни дифференциальные уравнения вроде Махwell' овских, ни модели от метафизики не свободны, не свободна и математика от определенной логики. Поэтому религиозной метафизики бояться не нужно. И слава Богу, что еще не потеряна возможность быть метафизиком.

31 декабря 1913

Большая часть времени была занята лабораторной работой – этим истинным несчастьем, мне ниспосланным. Теперь я ее кончаю и оживаю. Я нервничал и мечтал, мечтал об Италии – как символе красоты и эстетики. <...> Затем идет путешествие – глубокое и полезное, духовная баня, в которой я омылся от эстетизма и очутился в августе лицом к лицу с физикой и жизнью. Заодно, благодарю Бога, я понял, что я все-таки физик и что это лучшее, что я мог бы сделать. Этим годом кончается мое спокойное житие...

1914

1 января 1914

Я смирился. Не предъявляю к себе ультиматумов, а только задаю вопрос: «Сохраню ль к судьбе презренье?» Моя судьба

печальна, и единственно возможное к ней отношение – презрительное. Надо сохранить непреклонно и терпенье гордой юности моей (ведь я еще юн) и остаться на холодно спокойном Олимпе физики. 1914 год для меня безусловно год судьбы. Я в открытом море и открыт всем ветрам. <...> Я хочу работать и мечтать. И это все есть в физике. Итак, от фанфар солипсизма и эстетизма я прихожу только к желанию покоя и работы.

28 января 1914

...высшим счастьем теперь кажется уйти в лес. <...> Но в лес я хочу с книгами. <...> Ах, книги, лаборатория и лес – вот и *paradiso ritrovato*⁷⁷. А ведь ничего этого не будет. Я обречен *so zu sagen*⁷⁸. В лучшем случае лет через 10 буду «professore»⁷⁹ и при том, что, несомненно, самый *mittellmässiger*⁸⁰. Если уж и теперь *questo ideale mi sembra di essere così triste, cosa dirò io dopo dieci anni. Mi resta di pregare Iddio o dare mi uno vero talento o davvero fuggire in un bosco*⁸¹. <...> Но все это не так печально. Надеюсь на судьбу, на ее забористые подъемы и провалы.

---

⁷⁷ Обретенный рай (*ит.*).

⁷⁸ Так сказать (*нем.*).

⁷⁹ Профессор (*ит.*).

⁸⁰ Посредственный (*нем.*).

⁸¹ Это представление мне кажется настолько печальным, то что я скажу через десять лет? Мне остается молить Бога дать мне подлинный талант – или прямо-таки бежать в лес (*ит.*).

20 февраля 1914

...приятно бы полежать неделю в больнице...

12 марта 1914

Мне сегодня 23 года, и любопытно бы было погадать хоть на кофейной гуще о будущем, потому что, когда это будущее станет настоящим, едва ли оно будет интересным. Ведь вот в 1909 году 12-го марта мечтал я об Университете. Мечта исполнилась, я его собираюсь кончать. Но, Боже мой, как же это пусто и глупо. «Сердце будущим живет, что пройдет, то будет мило». А настоящее всегда дрянь, per sempre caro amico!⁸²

30 марта 1914

Чудеса! Почти всю мою туманную «философию» последних дней нашел в стихах, напечатанных сегодня в «Русском слове». Стихи прекрасны, давно я таких не читал, главное искренны и не декадентские. Впрочем, начинаются стихи не совсем ясно:

Жизнь – без начала и конца.
Нас всех подстерегает случай.
Над нами – сумрак неминуемый
Иль ясность Божьего лица.

Первые 2 строки – положение, из которого единственный

---

⁸² Навсегда дорогой друг (ит.).

вывод 3-я строчка. 4-я же только «нас возвышающий обман». Между тем именно из этой четвертой строчки все и строится. Стихи надо бы начать просто:

Над нами сумрак неминучий.
Иль ясность Божьего лица⁸³.

28 мая 1914

Стою на обрыве. Положим, если буду служить [в армии,] 1 ½ года пройдут. Ну, а дальше. Дороги для меня другой, кроме научной, нет. Сегодня я, конечно, просто физиологически радуюсь, но на самом-то деле ведь сегодня у меня бенефис «науки». Если я буду ученым, я буду, вероятно, плохим. Я знаю, во мне «что-то» есть, но что я и сам не знаю. Надо одуматься, много из прежнего бросить, многое новое начать. А главное – искать точки опоры. Осталось maximum жить 50 лет, minimum, быть может, очень немного. Как же прожить эти годы? Подумаю, отдохну и приведуся в порядок. Устал я. Да надо бы написать хоть два слова об университете. Когда[-то] я писал о нем, что это только проходной двор к науке. Больше и теперь ничего не скажу. Все было мертво, внешне и невесело. Конечно, Kommerzschnle⁸⁴ было сквер-

---

⁸³ Далее в дневник вклеена вырезка из газеты «Русское слово» с этим стихотворением А. Блока – знаменитым прологом к поэме «Возмездие». Фрагменты поэмы см. в приложении 1 в конце книги.

⁸⁴ Коммерческое училище (нем.).

нее, но это живое учреждение, а университет – мумия. Тем не менее точки опоры придется искать в нем же.

9 июня 1914

[Записано по-немецки; перевод:] Путешествие по Волге – почти идеальное путешествие, пожалуй, самое спокойное в мире. С длинным и хорошим (интересным) романом, в спокойном состоянии духа и с деньгами в кармане чувствуешь себя на пароходе как в нирване <...> Чайки – вот простой и глубокий предмет для спокойного философствования, однообразные берега не раздражают глаз.

16 июня 1914

Oggi fu stato «sui generis» ultimo esame di stato⁸⁵, был медицинский осмотр, и теперь я – новобранец. Осматривали почти как лошадей, в чем мать родила, пятки, зубы и прочее. Весу во мне нашли 4 п[уда] 15,5 ф[унта], росту 2 ар[шина] 8,3 в[ершка], в груди 20,7, это все мои «лошадиные» стати, записываю их для памяти. Я, впрочем, против «лошадности» ничего не имею. Я знаю, что я очень и очень мало «лошадь». Мускулы слабы, без книг жить не могу, но немножко и «олошадиться» полезно. Кстати о книжках, книжках старых, о новых не говорю, слишком они не книжны, «авторами» пахнут. А вот о старых. Если бы не было книг – жить почти не стоило бы. Книга лучше музыки, живописи, любви, гастрономии и вообще жизни.

---

⁸⁵ Сегодня был «своего рода» последний государственный экзамен (ит., лат.).

<...>

[В армии] Буду заниматься физикой <...> а на сон грядущий читать романы. Завел себе толстые тетради 1) для выписок, 2) для кратких рефератов, 3) для физических сообщений.

<...> Mich lockt immer das Gravitationsproblem... Das ist streitlos der erste Preis in der Physik⁸⁶.

26 июня 1914

Я прожил почти месяц самой настоящей «жизнью», т. е. спал, кушал, лечился от запора, ходил по гостям, ездил то на Волгу, то в «Дубровицы», почитывал Казанову, моментально забывая о прочитанном, и в конце концов прихожу в ужас. <...> А что, если мне нельзя будет взяться за физику, Боже мой, повеситься можно, потому что в таком случае l' morir non duole⁸⁷. Нужен Бог. Нужна физика. Нужно здоровье и благодущие.

Попробую взять с собою в лагерь и книги, и чернила, и бумагу. Ведь я все-таки еще неполный физик, характера не хватает. <...> Воля у Пушкина – свобода. И теперь уж я с пушкинской фразой не во всем согласен. Покой и воля, как замена счастья, годны только на короткое время. Вообще же к покою и воле нужно прибавить «творчество». Тогда, кажется, полное счастье.

---

⁸⁶ Меня все время влечет проблема гравитации... Это бесспорно наиболее ценное в физике (нем.).

⁸⁷ Умереть не больно (ит.).

29 июля 1914

Главное, для чего хотелось бы остаться жить после войны, – это видеть ее результаты. Они должны быть ошеломляющие. Даже наука, даже физика будет иная. Хотя бы одним глазом посмотреть.

3 августа 1914

Вчера в первый раз был в карауле. В сущности, это приятное занятие, стоять и философствовать. Я стерег платформы с обозом роты. Философствовал и сочинял стихи, впрочем, ничего не выходит.

8 августа 1914

...сегодня будет затмение. К черту всякую войну, займемся физикой и астрономией. Как божественно-прекрасна и строго-холодна кажется из этого чердака, где я здесь пишу, – наука. Мир и благоволение, «зеркальное» существование – где вы. Я сейчас веду тоже не человеческое существование, а только какое-то воображаемо-бесцельное.

10 августа 1914

Спал я в сарае на соломе прекрасно, пил молоко, чай и пр.

12 августа 1914

Дубовые, вязовые и липовые леса по дорогам великолепны, таинственны, «эпичны». К коренастому дубу, раскинувшись гигантским грибом, к зеленой лужайке подошел бы какой-нибудь Илья Муромец и серый волк. Впрочем, и сол-

даты не звучат диссонансом. Ведь тоже поэзия и фантастика. <...> ...почти полное отсутствие религиозности. Вздумал в Жданном зайти в церковь. Солдаты только подсмеивались. Положим, у меня самого «религия» какая-то странная, но об этом в свободное время. <...> Разбежались по избам. Попали к поляку, молодому, добродушному гробовщику. Выспались на сене хорошо, т. е. «как убитые». <...> Клонило ко сну страшно. Оставалось единственное средство. Стал философствовать и плести вирши. С винтовкой на коленях, наверху связки сена глядим на Млечный Путь, на далекие раскаленные звезды, было сладко и утешительно. Убьют, и это чепуха.

17 августа 1914

Спал на сырой земле, обосрала лошадь.

19 августа 1914

Во мраке сосен и елок <...> вдруг раздался залп. Острый, сухой. Так резанул мозг и слух. Словно неожиданно свалился в бездну. До того это было *inaspettato*⁸⁸. Все сразу струсили – и люди, и лошади. Лошади рванули; люди побежали в сторону. Меня свалило повозкой, я выронил винтовку, фуражку потерял. Люди, лошади, повозки бежали по мне, а сзади трещали винтовки. Поднялся и задал стрелкача. Около меня один упал – кажется, убит; другого ранило в висок, третьего в ногу, убита лошадь. Меня спасла, кажется, толь-

---

⁸⁸ Неожиданно (*ит.*).

ко повозка, вовремя своротившая меня. О чем я думал, когда бежал, без оружия, очумев. Немножко о смерти. Так вот она, так просто и скоро. <...> Впрочем, при всем ужасе было и смешно, я могу оставаться ein bis[s]chen⁸⁹ объективным в самых ужасных моментах. Смотрел на себя à vol d'oiseau⁹⁰ и посмеивался: «Ну, и стрекача же ты, брат, задаешь». Через минуту я опомнился, сошлось человек 10 в лесу...

20 августа 1914

Иногда в халупе над постелью часть стены выклеена обоями. В одной халупе на этих обоях «вся Москва» – Кремль, извозчики, трамваи. Помечтал.

23 августа 1914

Дым, смешиваясь с туманом, зловещим покровом растянулся над селом, иногда выползали и огненные языки. Было жутко. Улеглись в сенном сарае <...> Не успели забыться – ружейный выстрел. Жуть ночи, близость разъездов и просонье – и опять тревога, и почти ужас. <...> Кругом пленные, раненые. Зловеще пылают костры. Хаты опустели – впечатление, словно от картины Греко «Тоledo».

Немой ужас. Спал в офицерской квартире, около телефона.

25 августа 1914

---

⁸⁹ Немного, слегка (нем.).

⁹⁰ По прямой линии (фр.). Возможно, имелось в виду и выражение: à vue d'oiseau – с высоты птичьего полета.

Прочитал, что в немецкой армии убит профессор Бедер из Јена'ы. Ну, вот оно началось. В бестелесную «зеркальность» науки *sine ira*⁹¹ ворвалась война. Мечта разбита.

26 августа 1914

...размечтаешься о Москве. Спокойный старый диван, *scrivania*⁹², у которой знаком каждый ящик и выгиб, шкаф с «физикой», красный кожаный корешок Gauss'а, пергамент Boyle'я, *Baltimore Lectures*, в углу спряталась Джоконда. (Нет, для этого стихи нужны.) Над диваном классически недвижна *scuola [di] Atene*⁹³. Тепло, спокойно.

Хорошо бы сейчас забыть обо всем – думать только о прошлом.

27 августа 1914

...на соломе спать довольно грустно. <...> По-прежнему картошка с салом, чай и дремание под деревом.

28 августа 1914

Спали до 7, до обеда валялся на лугу, читал старый № Исторического Вестника, кто-то взял его в библиотеке холмской казармы. Приятно держать и читать книгу, снова человеком делаешься!

30 августа 1914

---

⁹¹ От *Sine ira et studio* – объективно (*лат.*).

⁹² Письменный стол, конторка (*ит.*).

⁹³ Афинская школа (*ит.*); фреска Рафаэля; у Вавилова ошибочно «*Athena*».

Слава Богу, в голове начинают шевелиться мысли о физике, фотохимии etc.

Ihr naht euch wieder, schwankende Gestalten,
Die früh sich einst dem trüben Blick gezeigt.
Versuch ich wohl, euch diesmal festzuhalten?⁹⁴

1 сентября 1914

...я очень часто вижу «эстетические» сны, то посещаю картинные галереи, то обсуждаю планы декорировки какого-то дворца.

3 сентября 1914

...глину размыло страшно. Идти почти невозможно, вот бы Данте в какой-нибудь круг поместить такой трэк для грешников. <...> ...приходилось было спать на мокрой, промозглой земле... <...> Ночью натащили соломы, спать расположились под повозкой. Ночь теплая, и спать было хорошо. <...> ...как просто, красиво и erwartungsvoll⁹⁵ было мое прошлогоднее внедрение в Италию. С Rucksach'ом⁹⁶ на спине, в котором лежал шоколад и белье, да Moeller van den Bruck, спустился я со сказочной серебряно-голубой Maloj'и с моги-

---

⁹⁴ «Вы вновь со мной, туманные виденья, / Мне в юности мелькнувшие давно... / Вас удержу ль во власти вдохновенья?» – начало поэмы И. В. Гете «Фауст», пер. с нем. Н. А. Холодковского.

⁹⁵ Полное надежд (нем.).

⁹⁶ Рюкзак (нем.).

лой Сегантини в зеленые равнины Италии. Почти с восторгом переступал я границу буржуазно-отельной Швейцарии и таинственно-святой Италии. Какой мир был на душе, почти плакал от радости.

4 сентября 1914

Спалось хорошо, потому что снаружи было ненастно, дождливо, а под шинелью и тепло, и «почти дома». Под одеялом, закрывшись с головой, всегда чувствуешь себя с самим собою.

7 сентября 1914

Дрых под шинелью часов 10, до 8 ч. утра. Сны самые противные, военные, батареи, наводки etc.

8 сентября 1914

Природа занимается опровержением военного солипсизма.

Идем темным печальным осенним лесом. На ветвях пышная, мрачная, траурная одежда. Последние минуты лета. Маслята, поганки, белянки, рыжики, как первые признаки тления, появились на свежем трупе природы. Ни одному опенку, ни одной сыроежке нет дела до войны. В темных закоулках листвы скапливается дождь и холодным противным душем окачивает всякого дерзнувшего продраться в лесных недрах. В лесу сыро, мрачно, жутко – похоронно. Но вдруг облака рассеялись, блеснуло солнце, листва просвечивает изумрудом, капли блестят бриллиантами, лес смотрит уют-

но, хотя пахнет осенью и смертью. Небу, лесу, всей природе все равно до бесовни людей (даже не людей, а армейцев). Какой уж тут солипсизм...

<...>

В смраде дыма из печки, портянок, лампы «с нафтой» заснул на диване. Спал часов 8 довольно спокойно.

<...>

Ох, записался я, время вечернее, надо ужинать, спать, дел миллион, а писать еще много есть о чем...

9 сентября 1914

Спал в разграбленном стодоле. Холодище. Ночью занимаешься только подтыканием шинели. <...> Бродим по остаткам бывшего уюта. Особенно грустно и занимательно среди книг; вот рассыпана чья-то библиотека, т. е. не библиотека, а шкаф: детские атласы, энциклопедический словарь – хлам и мебель, но вот из какого-то подвала выглядывает груда фолиантов, старые, старые еврейские книги, по шрифту, переплетам, бумаге, семнадцатый, восемнадцатый век: видно священные книги с комментариями на широких полях; в угловатых, задумчивых еврейских иероглифах и талмуд угадываешь, и каббалу. Тут и Фауст чудится, и Агриппа, и дряхлый еврейский раввин с таинственными пейсами, ермолкой.

Фолианты – мокнут, тайна извлечена. Библиофильское сердце дрожит, хочется плакать, захватил бы все да сунул все в шкаф, черт с ними, что иероглифы непонятны, сколько мысли и пота таится за ними. Опять вспомнил свои шкафы –

утешение и почти смысл жизни. Библия, Леонардо, Пушкин, Гете, Баратынский, Фет, Тютчев, Казанова. Заплачешь, как вспомнишь, а впрочем, и порадуешься, как подумаешь, что, может быть, опять увидишь.

Зачем пить неперебродившее сусло жизни, когда в погребах библиотек неисчерпаемые запасы вин самых тончайших — это я писал давно, а теперь вновь пишу и в новой обстановке.

11 сентября 1914

Право не знаю, умею ли я еще курить. Но дымлю с удовольствием. Думается и мечтается легко, своего рода подмазка <...> Вши всех донимают, перед сном единственное занятие всех — охота за вшами. Впрочем, вру, сейчас только занимались ловлей сверчков, нарушающих сон солдатский. Охота удачная, остался, кажется, один, да и то какой-то худосочный — еле слышно!

15 сентября 1914

За окном свищет целая буря, с вихрем и дождем, на улицу выйти страшно, хорошо еще, что сейчас предстоит завернуться в шинель и спать (хотя нет еще и 8 часов). <...> Семен, лежа на соломе, рассказывает страшные вещи про духов. Обстановка самая подходящая. Догорает свечка, за окном вой ветра, бьет рама, словно кто в окно стучится. Хорошо сейчас в натопленной халупе. Лохматый черт с рожищами страшнее австрийца.

Когда мне было лет 12, читал польские сказки. Больные и страшные.

16 сентября 1914

А надо бы опомниться. Сегодня иду по лесу, увидал свою тень в фуражке с винтовкой, и страшно стало, да что это за маскарад, словно попом или кучером одели. Себя в чужой шкуре почувствовал. И в сущности, ведь до сих пор я этого не постиг – как это я солдат.

18 сентября 1914

Следовало бы описать время до войны. Сознаюсь, первые моменты хотел войны. Было страшно, а ну Россия откажется, все ступшует, сойдет на нет, останется тоскливый Любуцкий лагерь или еще больше тоскливая Старица. Хотелось этого необыкновенного и «телескопически» красивого – войны. <...> Теперь это все также ступилось и ступевалось.

19 сентября 1914

(второй час ночи) В это время я в Москве обыкновенно ложился спать, теперь встаю, *tempora mutantur*⁹⁷.

21 сентября 1914

Университетский значок тут немного помогает. Один российский воин спрашивал даже, не австрийский ли это орден у меня. Из палатки, конечно, пришлось опять переселиться

---

⁹⁷ Времена меняются (*лат.*).

в халупу. К вечеру она переполнилась до крайних пределов, я спал почти под скамейкой.

«...» Занимаюсь изготовлением шахмат из австрийских и русских пуль, гильз и монет. Беру патент!

Хотел было пофилософствовать, да собираются спать...

29 сентября 1914

Хорошо бы пространственно изолироваться, освободиться от «патрулей» и всласть, на свободе, пофилософствовать.

«...» Следовало бы физику не забывать и хотя бы мечтать физически. «...» физике не изменю, это то единственное стекло, через которое на мир можно смотреть совершенно спокойно и эстетически безгрешно.

Господи, дай скорее вернуться к физике! (До того скверно, что плачу, когда пишу эти строки.)

«...» Ай-ай, как хорошо будет после войны и службы заняться Пьеро, Греко и прочей ерундой.

1 октября 1914

Запереться бы от всяких газет и войны в лаборатории с библиотекой, и, кажется, Бог знает, что натворил бы. Черт с ними и с Вильгельмами, и с артиллерией, и с кавалерией – только бы лабораторию, библиотеку и поменьше внешнего шума.

«...» Хорошо бы заснуть недели на 2, проснуться и посмотреть «цо новёго»⁹⁸. Возможно все. Получать новости таки-

---

⁹⁸ Со nowego (польск.) – что нового.

ми «двухнедельными квантами» было бы хорошо и совсем нескучно.

3 октября 1914

...настоящая радость, получил из дома 2 посылки, монпансье, печенье, шоколад, консервы, белье – как из рога изобилия. Почти плакал, разрезая частые швы заботливо закрытой посылки, перебирая шоколад, белье, все эти портянки, теплые вещи. Мать – милая. Одно и самое святое и дорогое там, всегда в мыслях со мною. Таинственная сила связует и физиологически, и психологически нас (да разве можно говорить тут о «нас», когда тут одно, безо всяких швов и границ).

А как тает эйнемовский шоколад на языке, как изысканно-тонко печенье – словно опять из ада в рай попал...

5 октября 1914

...бесконечные поиски халуп, тяжелый сон... <...> Ночь совсем ясная, темная, осенняя с голубыми таинственными звездами. Еле плетусь, кажется, пошел четвертый десяток верст. Взглянул, чтобы рассеяться и утешиться, на Большую Медведицу. Боже, что там такое. Комета! Сердце встрепенулось. Туманное ядро и фосфорический хвост. <...> Комета сейчас, как-то страшно и странно. Какой нелепой случайностью или божественным умыслом занесло ее сейчас на наш северный небосклон. Смотришь на комету, и жутко становится... Так это серьезно, за войну и земля, и небо. <...> Ко-

гда смотришь ночью на эту безграничность и хаос, на пылающие и отражающие комки вещества, вращающиеся в какой-то первозданной неошутимой среде эфира, каждый раз стоишь потрясенный, очарованный и непонимающий.

«...» Ночь ужасная, спал в кузнице, все время ворочаясь от блох «...» ударялся о наковальню, тиски, дрог от холода и, главное, вжимался от ужасных выстрелов. Черт их знает, почему немцы ударяли всю ночь и так близко, и так страшно, что порой казалось, что разорвалось над крышей. Похоже по-прежнему на гром, но только на страшный, над самой головой, от которого под одеяло прятался. Впрочем, к середине ночи по привычке, «*Erzur si scora*»⁹⁹ – помирать так помирать.

«...» Дай Боже сегодня выспаться.

6 октября 1914

Пишу сейчас в обстановке совсем эпически-идиллической. Сажу на пне, столом служит сруб колодца, направо помещичий пруд, солдаты и паны удят рыбу, моют белье, за прудом панский сад с нищенским беленьким барским домом, сад весь желтый, по дорожкам, усыпанным «багряным убором», ходишь словно по ковру. Впереди на поле работает локомотив и далеко-далеко рокочут пушки. Это опять далекая гроза, вносящая что-то пикантно-пряное в общую идиллическую обстановку. Октябрьская идиллия вместо кислой похоронной осенней элегии – это почти неожи-

---

⁹⁹ И все-таки она вертится (*ит.*).

данно. Где-то совсем далеко жужжит несносная немецкая муха-аэроплан. Встал сегодня в 7 часов (т. е. спал больше 10)...

8 октября 1914

...сегодня занялся Фаустом и смакую каждую строчку. Кажется, «Фауста», как Пушкина, мне хватит на всю жизнь.

«...» О, с каким бы наслаждением покинул бы я эту полную жизнь, куда воля рока кинула и завертела, ведь это же моя теперешняя мечта и рай:

Verfluchtes dumpfes Mauerloch
Wo selbst das liebe Himmelslicht
Trüb' durch gemahlte Scheiben bricht.
Beschränkt mit diesem Bücherhauf,
Den Würme nagen, Staub bedeckt,
Den, bis an's hohe Gewölb' hinauf,
Ein angeraucht Papier umsteckt;
Mit Gläsern, Büchsen rings umstellt,
Mit Instrumenten vollgepfropft,
Urväter Hausrath drein gestopft –
Das ist deine Welt! das heißt eine Welt!¹⁰⁰

---

¹⁰⁰ «Здесь солнца луч в цветном окне / Едва-едва замечен мне; / На полках книги по стенам / До сводов комнаты моей – / Они лежат и здесь и там, / Добыча пыли и червей; / И полок ряд, убог и сир, / Хранит реторт и банок хлам / И инструменты по стенам. / Таков твой мир! И это мир!» (*Гете И. В. Фауст. Сцена 1. Слова Фауста. Пер. с нем. Н. А. Холодковского*).

Книги, инструменты, конечно – мир. Flich! Auf! Hinaus!¹⁰¹
Только наоборот ins Dumpfe Mauerloch¹⁰². Не знаю, может
быть, вообще говоря, жить – познавать. Но хочу и верю, что
«в знании жизни нет», но что Mauerloch с книгами и лабора-
торией лучше всякого мира.

10 октября 1914

Из перевязочного пункта переселились в помещение быв-
шей почты, спал в какой-то не то колыбели, не то качалке.
<...> ...в позу Ленского не становлюсь.

Паду ли я стрелой пронзенный
Иль мимо пролетит она
Все благо, бдения и сна
Приходит час определенный

Неужели завтра или сегодня определен мне этот час, не
дай Боже!

11 октября 1914

...зашел на почту 14-го корпуса. Боже, как забилося серд-
це, она помещается в физическом институте¹⁰³. <...> ...глядя

---

¹⁰¹ «О, прочь! Беги, беги скорей / Туда, на волю!» – продолжение цитирования той же сцены из «Фауста».

¹⁰² «В дыру проклятую мою» (описание лаборатории Фауста несколькими строками раньше – «Verfluchtes, dumpfes Mauerloch!»).

¹⁰³ Вероятно, физическая лаборатория Института сельского хозяйства и лесоводства в г. Новой Александрии, ныне г. Пулавы, Польша.

на институт, на кирпичную физическую лабораторию – хотелось плакать. Скорее бы конец и опять за работу. В сравнении с физикой – все чепуха <...>

Посидеть бы тут, да помечтать...

13 октября 1914

Чудные минуты провел я сегодня в этом парке, подобное было, как помню, в прошлом году в флорентинском giardino [di] Boboli¹⁰⁴. Там чаровала тишина полноты. Лавры, кипарисы, Аполлоны, Адонисы, плеск фонтанов и флорентинское солнце, в восторге почти целовал землю. То и другое – нирвана, Элизиум, но Элизиум лета и осени. Оба момента прекрасны и обоим хочется крикнуть «Verweile doch, du bist so schön»¹⁰⁵. В этом желтом парке с храмами, со <нрзб> далекой Вислой с грохотом артиллерии вдали – поэзия смерти и кладбища. Хорошо умирать там, в классическом саду среди бессмертных лавров и кипарисов, бессменной глубокой синевы неба и снежной белизны «героев и богов» – было бессмертие – Элизиум. Роскошь и классицизм Италии и тонкая печаль и тление Польши, но тут и там дрожит одна струна покоя, мира и почти счастья.

На минуту удалиться в этот элегический Элизиум, и становится почти хорошо...

---

¹⁰⁴ Сады Боболи (*ит.*) – парк во Флоренции.

¹⁰⁵ «Остановись, [мгновенье,] ты прекрасно!» (*нем.*), цитата из «Фауста» И. В. Гете.

18 октября 1914

Ночи ужасные, длятся более полсуток – свечей мало. Спальня нет, нужно ложиться на грязную солому, покрытую грязной палаткой, закрываться грязной шинелью, чесаться, вертеться и ждать блаженной минуты – когда заснешь.

21 октября 1914

Сейчас наелись и напились и минут через 15 пора спать. Ночь чудесная, «прозрачно небо, звезды блещут, своей дремоты превозмочь не хочет воздух». Все пропитано голубым лунным туманом. Киваю знакомым в мировом пространстве, комета померкла в лунном блеске – и следа не видно. А война идет, безудержная, непонятная, а впрочем, скучная и однообразная.

27 октября 1914

...спать мешают вши и блохи... <...> Даже и не мечтается, даже о прошлом думать не хочется.

28 октября 1914

Вчера залегли не было еще 7 часов; в халупах около 15 человек, с половину – обозные жулики, циники, единственное спасение от которых укрыться с головой шинелью и заснуть – авось хоть что-нибудь из «того» мира приснится. Кое-что и снится, но все такое кошмарно-глупое. <...> ...попади я сейчас домой, в свою постель, вымывшись и с чистым бельем – провалялся бы и 24 часа.

30 октября 1914

Теперь другие дни – другие сны.

31 октября 1914

Иногда хочется встряхнуться и спугнуть сон, очутиться вновь на Пресне в своих низких, уютных комнатах. И военная служба, и война и та среда, в которой я сейчас живу, – так неожиданно нелепы, что только во сне и могут присниться. <...> Во сне только иногда приходишь в нормальное состояние. Сегодня, например, видел себя на Никольской у Шибанова, покупал или приторговывал[ся] к описанию какого-то монастыря, прекрасное издание в солидной кожаной папке, с фотографиями, планами etc.

Книги, милые книги, сколько вас там у меня и как хорошо и спокойно там среди вашего кладбища. Здесь мусолю рекламовского Гете да газеты, да и за то благодарю Создателя. Во сне постоянно снятся книж[ные] картины. Просыпаясь – поет петух, кусают блохи.

1 ноября 1914

Сегодня, слава Богу, во сне грезил о каких-то тангенсах и формулах капиллярности.

4 ноября 1914

Настроение самое невеселое. «Себя» не чувствую, делается все как-то механически, ем, сплю, хожу, ни мысли живой в голове, ни мечты, только иногда воспоминания. Ожив-

ляешься ведь, в сущности, единственно надеждой на конец. Как одеревенеет за эти ½ года моя физика, бедная физика, попробую хоть помечтать о фотохимии и Gravity Problem¹⁰⁶ etc.

5 ноября 1914

...следовало бы написать оду картошке и проклятым вшам. Может быть, и займусь.

9 ноября 1914

Сижу печальный, весь съезжившись в халупе. За окном поля, мороз, близко грохочут пушки, на небе краснеют остатки зари. Все притупилось, ем, пью, от усталости сплю, смотрю на газеты. Все это ненужно, чужое, внешнее, пустое, а в голове только о своих, о Лиде узнать. Так коротко и просто. Лида умерла, и жизнь такая сложная, многоцветная рушится, как под ударом шрапнели. <...> Нет выхода, плачу. На что обречен я теперь. Всякий смысл войны, интерес к ней пропал. Убежал бы сейчас домой, к матери, стал бы ее утешать и от нее имел утешение.

Третья такая жестокая смерть – Илюша, Лебедев, Лида. И эта последняя самая ужасная. В результате первой религиозный кризис, вторая – крушение многих, многих надежд, и смерть Лиды, наверное, разовьется в полное превращение самого себя и может быть обратный религиозный кризис. Что же теперь делать? Только ждать, пока все забудется и

---

¹⁰⁶ Проблема гравитации (англ.).

покроется противной паутиной забот и тревог.

10 ноября 1914

Тихий, далекий монастырь, со старой церковью, кладбищем, белой теплой кельей и книгами – вот теперь спасенье и надежда.

Пусть шумит там за стенами «тьма нищих истин», а здесь в стенах мерцание восковых свечей, блеск риз, заунывное пение, тишина и мир. Кельи – «наш возвышающий обман», потому-то все равно «Все случайный, странный лепет, миг игры безумных сил»¹⁰⁷.

«...» только под шинелью – с самим собой. Солдатчина – возвращение в детство. Ничего не знаю, хожу, кушаю, сплю, а там кто-то «взрослые» обо всем заботятся.

11 ноября 1914

...спал скверно, сегодня болит голова и мысли самые невеселые. Механически иной раз скажешь: «Хорошо бы в Москву» – а как подумаешь, какая там тоска и ужас, становишься совсем грустным.

«...» Куда-нибудь во Фьезоле, к элегическим кипарисам, под ясное небо, потопить мысли и грусть в тихой музыке природы и монастырского покоя. Другого исхода нет. Разве только наука. Но опять тихая, монастырская, без сплетен и

---

¹⁰⁷ Строки из собственного стихотворения, записанного в дневник 9 ноября 1914 г., – полностью приведено ниже в главе «Стихи С. И. Вавилова 1909–1916 гг.».

интриг. Ах, как глупы эти выстрелы, война, пленные. К чему, для чего-то всем чуждого и ненужного.

12 ноября 1914

Во сне опять книги, Никольская, антиквариат – «страна блаженной грусти».

16 ноября 1914

Редко во сне я вижу маму.

17 ноября 1914

Зашел в русскую церковь. Сегодня воскресенье. Так слезы и потекли градом. Пение, ладан, чтение дьякона, возгласы священника, а в общем такой уют – который и нужен моей измученной душе. Ах, скорее бы домой, успокоиться, уснуть.

18 ноября 1914

Все снились обозы какие-то и прочие мерзости. Хотелось увидеть дом, мать, Лиду.

21 ноября 1914

Ужасно, что и во сне не спасешься от солдатчины, обозов и пр[очей] сволочи. Сегодня к тому же приснилась, не знаю почему, торжественная церемония по случаю вступления немцев в Москву, носили на катафалке труп какого-то старца в лавровом венце и прочее. Сажу в халупе, пищат рахитики Янеки и Стаси. Ах, как грустно, Боже мой.

Bist du aus einem Traum erwacht und hat
Der schöne Trug auf einmal dich verlassen?
Hat dich nach einem Tag der höchsten Lust
Ein Schlaf gebändigt, hält und ängstet nun
Mit schweren Fesseln deine Seele? Ja,
Du wachst und träumst¹⁰⁸.

22 ноября 1914

...сохранить мечты и идти, идти. Или упасть, плакать, молить. Я ничего не знаю, будь как будет.

25 ноября 1914

Когда-то я мечтал о тюрьме, заперли бы на 1–2 года в светлую комнату одного с книгами, бумагой, чернилами и, конечно, всем прочим. Но такая тюрьма, без стенок, без книг, с чужими и совсем чуждыми людьми. <...> Читать мешают. Плакать нельзя. Бежать, бежать. Когда же я спасусь, и спасусь ли.

29 ноября 1914

«Carpe diem, quam minimum credula postero»¹⁰⁹. До чего нелепыми кажутся сейчас эти горацианские строки. Carpe

---

¹⁰⁸ Слова Торквато Тассо из одноименной пьесы И. Гете (1790), действие IV, явление 1 (пер. с нем. С. М. Соловьева): «Проснулся ль ты внезапно ото сна, / Покинул ли тебя обман прекрасный? / Иль после дня блаженства страшный сон / Тебя связал и душу заключил / В тяжелые оковы? Да, теперь / Ты наяву и гредишь».

¹⁰⁹ Лови мгновение, как можно меньше надейся на будущее (*лат.*).

diem¹¹⁰! Нет, топить его, топить в реке забвения. Чем скорее, незаметнее проходит день, тяжелый, нудный, начинающийся на соломе, соломой кончающийся, — тем лучше. Quam minimum credula postero¹¹¹. Только ему и верю, только на него и надеюсь, только им и живу. Думаю о прошлом, мечтаю о будущем, о Москве, матери, о книгах. А настоящее sei sie verflucht¹¹².

30 ноября 1914

Думаю только о себе, Лиде, матери, книгах и о конце. <...> ...ложимся в 8, встаем в 8. 12 часов приходится вытягивать. Сон скверный, сны нелегкие. Забыться нацело не удастся. Боже, пошли какой-нибудь исход!

4 декабря 1914

...в Москву еще сильнее захотелось. <...> В темноте дымлю папиросы, согревает и развлекает. А мысли, их нет, одна тоска и мечты.

6 декабря 1914

...тоска по дому, по матери, по физике, по Москве, по всему прошлому. <...> Далеко слышны выстрелы, сижу в халупе, поедаюсь вшами, иногда возьмусь за Фауста. Нашел одно развлечение, начинаю курить. Вьется дымок, перед глазами

---

¹¹⁰ Наслаждайся моментом, живи настоящим (лат.).

¹¹¹ Как можно меньше надейся на будущее (лат.).

¹¹² Будь оно проклято (нем.).

затуманивается, думается и мечтается легче.

8 декабря 1914

Итак, «фронт передвинулся». Чудища корпусов со всякими обозами, транспортами, лазаретами, почтой, телеграфными ротами, артиллерией перешли на другое место. <...> 25-й корпус стал здесь, все деревни кругом заняты бесчисленными щупальцами неповоротливого спрута. И наша щупальца – телеграфная рота – тоже знает свое место. Как ненужная соринка, пятно на этой щупальце сижу и я, и двигаюсь вместе со спрутом, спрут меня волокет, ему до меня нет дела и мне до него. Таких спрутов, кажется, до пятидесяти, и все они органы одного колоссального ихтиозавра армии. Земля вертится, летит Солнечная система, вселенная «катится». А мне, пылинке и соринке, дело только до самого себя, до семьи и до книг.

9 декабря 1914

Настроения, пока занят, – никакого, когда мечтаю – тоска и безнадежность.

10 декабря 1914

Сны короткие, но странные, сегодня видел падение австрийского аэроплана (великолепно и детально). Ну, хотя бы что-нибудь хорошее, необычное, неожиданное случилось сегодня!

11 декабря 1914

Часа через 2 завалюсь на скамейку, опять пойдут сны нелегкие (сегодня, например, видел, как писал в классе у Н. И. Виноградова сочинение на тему «София» – недоумеваю, что надо писать).

13 декабря 1914

Вчера лежал на своей скамейке, ворочался от вшей и думал об этом. А что, если бы завтра произвели [в прапорщички], многое бы изменилось, стал бы хлопотать, поздоровел, заговорил бы другим языком. Мечтал, детализировал, провалялся так почти до часу. Интересно, что сегодня все-таки что-то повернулось в моей «карьере», принес писарь от батальона бумажку с «формой» подписки о непринадлежности к тайным обществам, написанную архи-эзоповским языком. Переписал и подписал. Писаря уверенно говорят, что это к «производству». <...> Все-таки это что-то вроде чуда: вчерашние мечты и сегодняшняя «бумажка».

30 декабря 1914

В сущности, ведь это почти счастье. Сижу сейчас один в комнате, курю, передо мной лежит только что прочитанный Ponson du Terrail. Счастье? Нет. Это пустые страницы моей жизни, маскарад. <...> «Я жить хочу». Пусть это будет жизнь скверная и печальная, какой она и была, – но вместо жизни пустое место. Не надо!

1915

1 января 1915

Новый год... чего хочется и что случится? Весь год «закован», только за его гранью кончится маскарад военной службы. Желанья сужены, простора нет, а хочется вложить и в этот промежуток времени живое, свое. Физика, милая физика, как далека ты от меня сейчас. Но, что сделать? Делай что возможно, но не упускай ее – вот первая и главная задача.

<...>

Грустно. Сладко и грустно – «и некому руки подать». Один я, совсем один. Там в роте чувствовались еще «живые души» кругом, а здесь совсем один. Грустно, и даже о прошлом думаю с грустью.

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть,
Я ищу свободы и покоя;
Я б хотел забыться и заснуть.

<...>

Кем я буду, что начну, и как все сложится. Но любопытно бы заглянуть в далекое будущее. Судьба моя, по началу судя, должна быть интересной. Я по-прежнему и на войну, на все эти обозы и аэропланы смотрю как на эпизод моей, личной

жизни, смотрю солипсически. «The time is out of joints»¹¹³, поэтому жизнь призрачная, именно призрачная, это не я, а кто-то иной ходит в военной шинели, хотя со всей моей неуклюжестью, неловкостью и вечным насморком. Война... а я не воин. Это так, но разве все эти серые шинели прикрывают воинов, разве не живет под ними, прозябая, душа рабочих, булочников, адвокатов. И это так, но у них и в шинели голос звучит звонко, они живут, а я только призрак в шинели. Есть, кажется, здесь и другие такие призраки. Разве это не призрак или, по меньшей мере, не карикатура, проф[ессор] Аничков, седой, лысый, с огромным брюхом в форме прапорщика и в роли дежурного офицера штаба. Раньше у меня была жизнь «зеркальная», теперь – призрачная – the time is out of joints.

3 января 1915

...покуриваю, читаю газеты, а иногда философствую. Сегодня поднял зачем-то на стол тяжелую свинцовую пепельницу. О, как она тяжела, как тянет ее к себе земля. Тянет... Gravitation's problem¹¹⁴! Стало грустно. Как она близка мне, эта загадка. Таинственная, неуловимая и всюду ощущаемая сила тяжести. Сила, которой в конце концов движется все. <...> Ей уж давно в душе посвятил свою жизнь. Вся-

---

¹¹³ «Распалась связь времен» (англ.).

¹¹⁴ Проблема гравитации (англ.).

кие Ausbleichverfahren¹¹⁵ только ступени к самостоятельной работе. Если буду жив, буду работать, буду искать, хотя [бы] одного эксперимента, хотя бы малейшей зацепки, за которую зацепилась бы вся гомерическая современная физика. Сейчас я без рук, без книг, без лаборатории. Остается область фантазии посленьютоновского периода. Эта тяжелая пепельница в ресторации – какой она укор. Сидеть бы дома, читать все эти сногшибательные сверхнатуральные тевтонские умствования релятивистов, искать жемчужные зерна в куче навоза. Ну что же буду фантазировать. Но все же буду, хотя все эти фантазии должны не выходить из пределов, данных электронами и квантами. Свободно было Лесажу, а теперь, Боже мой, какие провололочные заграждения, фугасы и волчьи ямы квантов и электронов готовятся для всякой фантазии. Попытаться решать Gravitationsproblem с точки зрения наивного реализма – только наивное занятие.

4 января 1915

Мир – основа, на которой ведутся хитросплетения надежды всех, панов, солдат, генералов. Здешние «поганенькие» (другого слова не подыщу) телеграммки. Каждый день огромными буквами печатают всякие предсказания и слухи о мире. То m-me Тэб¹¹⁶, то какой-то старичок, то еще монах XVI века... и все иногда с усмешкой, а иногда без нее чита-

---

¹¹⁵ Выцветание (нем.).

¹¹⁶ Мадам де Тэб (Анна-Виктория Совари, 1865–1917) – популярная в России гадалка.

ют. Мир и война стали мистическими, чем-то независимым ни от стратегии, ни от погоды, ни от прочего. Просто где-то в какой-то загадочной книге записаны начала и концы, описаны все перипетии, все мелочи войны, а мы... мы только актеры, разыгрывающие давно написанную небесами пьесу, импровизации нет, всякий жест, слово – есть в этой пьесе. Даже у нас наверху, в комнате Чебышев вызывает духов и спрашивает о мире! Мир осенью... Я когда-то в Праде в отчаянии гадал на пятиалтынном и получал мир между Рождеством и Пасхой. И почему не гадать. <...> Все это пишу не в суд и не в осуждение. Сам я всегда любил таинственность, чудесное, мрак, любил с тех пор, как себя помню. Я физик – всегда был фантастом и метафизиком. Вспомнить только мои детские «заветы» с Богом, алхимию и всякую чертовщину. Не прочь даже в физику допустить метафизику. Когда у нас поднимался треногий стол на две ножки, думал о связи всего этого столоверчения и столоподнимания с gravitation's problem. В самом деле, «духи», поднимая столы, преодолевают силу тяжести. Вот, право, уж не тут ли искомая зацепка, не в спиритических ли экспериментах. Перед самим собою извиняюсь за эту чепуху.

5 января 1915

А я человек – только книжный. Книги как книги, как предмет – это и все. Как без этого смог бы жить – не знаю. Я человек одиночества, в одиночестве я почти всегда испытываю то элегически-спокойное настроение, лучше которого я

ничего не знаю.

10 января 1915

Сегодня в кофейне с верхнего этажа слышал звуки рояля. В кофейне я один, тишина. Вдруг вспомнил Лиду. Как скоро о ней забыл, первое потрясение, первый ужас стали такой ровной, едва заметной элегией. Но она укоренилась и уже неизлечима. Кто видел или узнал смерть, тому три пути, глубочайшее отчаяние, религия и... творчество.

14 января 1915

О чем прошу Бога? Прежде всего, о научном вдохновении. Боже, если бы оно было и если бы появилась та петелька, за которую бы захлестнулся крючок моих физических знаний и фантазий, – я бы забыл все и был счастлив.

19 января 1915

Нигде не нахожу блаженной Einsamkeit¹¹⁷, всюду не один, всюду тревожат чужие глаза, чужие или чуждые разговоры. Прежде, там, в халупах, с солдатами было лучше – среди людей был один со своими мечтами и тоской.

24 января 1915

Фауста кончил и вчера отнес к переплетчику, отдал переплести в кожаный переплет, вплетая белые листы. Странная книга! Я буду всегда читать ее, вечно приходить в негодование от длиннот 2-й части и восхищаться отдельными фраза-

---

¹¹⁷ Одиночество, уединение (нем.).

ми и словами. Вторая часть от первой до последней сцены символична, и в этом ее главный недостаток. Первая часть, наоборот, в самых фантастических сценах реальна.

27 января 1915

...с каким бы наслаждением заснул, чтобы проснуться 1 января 1916 года и начать вшиске¹¹⁸ di nuovo¹¹⁹.

Во сне опять шрапнели, фугасные бомбы, аэропланы. Боже, что же делать, чтобы опять почувствовать в себе человека?

19 февраля 1915

Война совсем похожа на шахматную игру. Игроки – штаб, пешки, короли, туры – солдаты, офицеры e tutti quanti¹²⁰. Вся Россия, Москва, дом – зрители. Ну а кто же я? Просто пылинка, приставшая к одной из пешек, с ней я двигаюсь, торжествую или погибаю – но в игре я бесполезен. Положим, эта пылинка с ушами и глазами, она все видит и все понимает...

11 марта 1915

Весна все переменила, и глаза и уши стали другими. Хочется бежать без шинели, гулять и дышать весной. Ни о чем не могу думать, ничего не могу делать, весна все заслонила. И ничего не страшно.

---

¹¹⁸ Wszystko (польск.) – все.

¹¹⁹ Снова (ит.).

¹²⁰ Прочие подобные, все остальные (ит.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.